

Игорь Чичилин

ОРГАН ВРЕМЕНИ

Игорь Чичилин

Орган времени

*Текст предоставлен правообладателем
Орган времени: 2015*

Аннотация

Научно-фантастический приключенческий роман, где главный герой хочет изменить свою жизнь в прошлом и в будущем.

Автор преодолевает догму «эффекта бабочки» и показывает себя мастером философского и психологического анализа. обстоятельно изложенное в стиле приключенческого романа художественное исследование вызывает ощущение возможной реальности путешествия во времени.

Содержание

Часть I. На мосту	4
Часть 2. В больнице	120
Конец ознакомительного фрагмента.	157

Игорь Чичилин

Орган времени

Часть I. На мосту

– Извините, – раздалось у меня за спиной, – не могли бы вы выслушать меня?

«Черт! – подумал я. – И откуда он взялся? Ведь не было никого вокруг».

– Я понимаю, что обращаюсь к вам несколько не вовремя, но, может быть, вы все же уделите мне пару минут?

Мягкий вежливый голос с чуть испуганной и просящей интонацией. Я старался не слушать – не хотелось никого видеть сейчас. То, что происходило, не имело ко мне отношения – вся эта жизнь... Я хотел покончить с этим. Впрочем, не знаю точно, что я хотел. Просто пусто было внутри, отчаянно тоскливо и пусто.

– Я не стану отговаривать вас, только скажу несколько слов.

Здесь было высоко, и ветер налетал плотными порывами. Я чуть прищурился от очередного дуновения и глубоко вдохнул. Но это был ветер большого города, наполненный запахом машин и копотью, он не был свеж.

– Мне хотелось бы предложить вам кое-что. Пожалуйста,

выслушайте меня.

Тот, за спиной, становился навязчив, но ничего, я держался. Да, я держался руками за перила сзади. Огромное небо было передо мной, дорога далеко внизу, широкая асфальтовая лента, по которой все время проезжали большие и маленькие машины. Я смотрел на них сверху. В общем-то, все было просто. Конечно. Особенно если развернуться в воздухе головой вниз, да еще подгадать так, чтобы сразу оказаться под колесами какого-нибудь грузовика, тогда уж точно все будет быстро и наверняка.

Я чуть усмехнулся – забавно было стоять здесь и представлять, как все получится. Хотя я не был уверен, что действительно хочу сделать это. В принципе, я и залез сюда, чтобы проверить. Просто отчаянно тоскливо и пусто было внутри, и ждать нечего, да и не хотелось. Вообще не хотелось ничего... никогда...

– Это не займет у вас много времени, но, возможно, мое предложение покажется вам интересным, и вы не пожалуете, что выслушали меня.

Похоже, он и не собирался уходить. «Может, действительно прыгнуть? – подумал я. – Иначе он не отстанет». Что ж, я чувствовал, что вполне готов к этому. Собственно, какой смысл тянуть? Все когда-нибудь умирают – какая разница – годом раньше или позже? Зачем обязательно проживать всю эту вереницу однообразных серых дней? Почему бы не покончить со всем прямо сейчас? Вот так взять и поставить

точку.

Забавная мысль! Я смотрел на машины внизу. Одна из них как раз и могла быть той, что поставит эту окончательную точку. Вернее, нет, эти уже проехали мимо, а та, которая может быть той, еще где-то впереди, только едет сюда. Интересно, далеко ли она? И есть ли вообще?

Я стоял на мосту, на тонкой кромке, идущей по самому краю с внешней стороны. Только полстопы помещалось здесь – мыски ботинок висели над пропастью, точнее, над дорогой. Я держался руками за перила сзади. В принципе, все, что нужно, – это только отпустить руки, ну, может, еще чуть-чуть оттолкнуться ногами и еще развернуться в воздухе головой вниз. Хотя последнее, наверно, уже необязательно – асфальт дороги достаточно далеко.

– Я не стал бы обращаться к вам, но мне нужно сказать одну довольно важную вещь.

Нет, он не отстанет! Я отпустил руки и развел их в стороны ладонями вверх. Я поднял лицо к небу и закрыл глаза, устремив мысли в сверкающую высь. Пожалуй, теперь даже просто сильный порыв ветра мог скинуть меня. Я улыбался, подставляя лицо небесному свету. Интересно, я полечу вниз, а попаду на небеса. Интересно...

– Осторожнее! – испуганно вскрикнул тот, за спиной. – Прошу вас, не делайте этого!

Тьфу! Никакой возможности слиться с бесконечными небесами. Я опустил руки и снова взялся за перила сзади.

– Только выслушайте меня. Если вы скажете «нет», я просто повернусь и уйду. Но, возможно, мое предложение не оставит вас равнодушным.

Нет, это уж слишком! Что же у него там такое?

– Может быть, если я скажу...

– А может, вы просто пойдете своей дорогой? – чуть обернувшись, мрачно произнес я.

И тут я увидел его. Он стоял сзади и немного слева. Серый, ничем не примечательный человек лет сорока в заношенном сером плаще, таких же серых брюках, с когда-то черным, но теперь уже также серым портфелем в руках. Он стоял, испуганно глядя на меня, и какая-то беспомощность присутствовала во всем его виде. Впрочем, взгляд был вполне осмыслен, и вообще он производил впечатление интеллигентного человека. «Какой-нибудь инженер, – подумал я, – или мелкий служащий, бухгалтер».

– Нет, просто... – протянул он.

– Слушайте, я ведь могу и вас с собой прихватить, – вкрадчиво проговорил я.

– Мне только нужно, чтобы... – промямлил он в ответ.

Я не отрываясь смотрел на него.

– Ну что, хотите составить мне компанию? – и чуть двинулся к нему.

Инженер-бухгалтер испуганно отшатнулся.

– Нет, вы меня не так поняли, – быстро заговорил он. – Я не собираюсь отговаривать вас, просто хочу, чтобы вы вы-

слушали меня. Если вас не заинтересует мое предложение, я тут же уйду и не буду мешать.

Я молчал, продолжая в упор смотреть на него.

Правда, не очень-то удобно было стоять, глядя через плечо, – шея начинала болеть. Я подумал, что хватит глазеть, и собрался отвернуться. Но вдруг почувствовал, что больше не хочу поворачиваться обратно и видеть дорогу далеко внизу... как-то уже расхотелось. Предметы поближе ласкали взгляд. Да и разговор с инженером-бухгалтером разрушил уединенность и отрешенность обстановки. Хотя это сложно было назвать разговором, но все же...

– Ладно, – без всякой заинтересованности сказал я, – говорите, что там у вас.

– Да, конечно, – суетливо произнес он. – Но... – и замаялся. – Если вы все же решили выслушать меня, то, может быть, перелезете... сюда? – он показал глазами рядом с собой.

– Н-да? – я оставался так же мрачен, но, в общем-то, теперь тоже хотел этого – как-то надоело висеть мысками над пропастью, да и шея болела... – Хорошо, – нарочито безразлично сказал я.

Потом развернулся, чувствуя, что сильно вцепился в перила, когда переставлял ноги на тонкой кромке, и не без насмешки над собой отмечая это. Затем перебрался на ту сторону и встал рядом с инженером-бухгалтером, опять же не без издевки ощущая некоторое облегчение от того, что стою на твердой почве. Надо же! Любитель карнизов.

Все-таки трусливая сущность есть где-то внутри.

– Так? – с вызовом спросил я.

– Да... спасибо, – проговорил он.

– Ну, что вы хотели сказать?

– Понимаете, у меня два образования и как бы двойная профессия. Пойдемте? – он сделал жест, предлагая идти вдоль моста. Я не возражал, и мы не спеша пошли вперед. – Я инженер, – продолжил он, – но работаю в больнице хирургом, хотя в мои обязанности входит и инженерная работа.

– Ага, – кивнул я, подумав, что не ошибся насчет инженера.

– Но при моей двойной профессии зарплата у меня совсем не двойная, – он улыбнулся, считая, что пошутил. Только у меня эта фраза, наоборот, вызвала раздражение – неужели разговор сейчас пойдет про деньги и его служебные отношения? Совсем не интересно было знать об этом.

– Слушайте, – остановившись, высказал я, – что вы от меня хотите? Давайте, говорите покороче, и покончим с этим.

– Да-да, конечно, – мягко произнес он. – Пойдемте, – и сделал шаг, снова приглашая идти с ним.

«Он хочет увести меня с моста», – догадался я и усмехнулся про себя. Но не стал спорить и последовал за ним.

– Извините, – сказал он, – просто я думал, что вы никуда не торопитесь, и хотел рассказать подробнее.

Я промолчал, всем своим видом показывая, что все что мне нужно – это быстрее избавиться от него. Но инженер-хи-

руг не замечал мою отчужденность или, наверно, просто не рассчитывал на какой-то интерес с моей стороны – слушаю – и то хорошо.

– Еще в институте я заинтересовался одной проблемой, – говорил он. – Вернее, не проблемой, а так... В общем, это считается традиционно ненаучная тема, но мне было интересно узнать все, что связано с этим. Я выискивал сведения в разных книжках, советовался с преподавателями, правда, так, не очень серьезно.

Я пытался слушать, но он говорил какие-то туманные непонятные вещи. Мне не хотелось переспрашивать – Бог с ним, пусть говорит. Я смотрел по сторонам. Мост остался позади, теперь мы шли вдоль дороги. Впереди показался магазин, в котором продавались всяческие напитки. «Так, – подумал я, – интересная мысль». Когда мы подошли к нему, я остановился.

– Я хочу спросить вас как инженер инженера, – сказал я. – Вы пить будете?

– Пить? – удивился он.

– Да. А то окружающий мир слишком сильно окружает. Я живу здесь недалеко – можем пойти ко мне.

– Вы приглашаете меня к себе домой? – еще больше удивился он.

– Да, – я спокойно смотрел на него. – Если уж вы не захотели составить мне компанию там, так, может, сделаете это хотя бы здесь. Заодно и расскажете все. Я чувствую, вы меня

обманули, когда говорили, что это недолго.

– Нет, я... – опустив глаза, протянул он.

– Ладно, неважно, – сказал я. – Так что, идем?

– А ничего, – несколько испуганно проговорил он, – мы там никому не помешаем?

– Я живу один, – ответил я. Потом направился внутрь магазина и стал делать покупки.

Когда мы пришли ко мне, уже начинало темнеть. Я провел инженера-хирурга в комнату, а сам пошел на кухню. Взял там рюмки, потом вернулся к нему. Он сидел, разглядывая книжки на полках.

– Я вижу, у вас справочники, – сказал он. – Вы говорили, что вы инженер?

– Был когда-то, – махнул я рукой. Потом открыл бутылку и наполнил рюмки. – Что ж, за встречу, – провозгласил я. – Кстати, мы ведь так и не познакомились.

– Сергей Степанович, – чуть кивнул он.

Я тоже представился. Мы улыбнулись и пожали друг другу руки.

– Тогда за знакомство, – я чокнулся с ним и выпил.

Он тоже выпил.

– А где вы работали? – спросил он.

– В одном НИИ, – безразлично произнес я.

– А сейчас?

– А сейчас я не работаю.

Он молча кивнул, видимо, не решаясь расспрашивать

дальше.

– Я тоже раньше работал в НИИ, – сказал он. – А потом так получилось, что попал в больницу и остался работать там.

– Попали в больницу?

– Не в смысле болезни, – он улыбнулся. – Просто мы там делали кое-что... ускоритель, и мне предложили остаться для его обслуживания. Платили там больше – ну, я и остался.

– Понятно, – я взял сигарету. – Курите, если хотите.

– Да, спасибо, – он тоже взял сигарету и закурил.

– Так о чем вы хотели рассказать? – выдувая дым, спросил я.

– Ммм... в общем, – он сделал паузу на секунду, затягиваясь, – в общем, мои институтские изыскания так ничем и не кончились. Но зато потом, когда я стал работать...

– Подождите, – перебил я его, – мне так и не понятно, о чем вы – какие изыскания?

– Ну-у, – замялся он. – Понимаете, я ведь говорил, что эта тема считается как бы ненаучной и... – он замолчал.

– Можете не говорить, если не хотите, – стряхивая пепел, произнес я. – Только зачем тогда было начинать?

– Нет, я, конечно, расскажу, но... Мне кажется, такое сообщение будет несколько неожиданным для вас – это достаточно необычная тема.

– Да? Какая же?

– Вернее, обычная, но, пожалуй, не для науки, а... –

он снова замолчал.

– Ну все, – улыбнулся я, – говорите наконец. Я достаточно заинтригован.

– Да? – он тоже улыбнулся и потом сразу опять стал серьезным. – В общем, эта тема обычная для фантастики, – словно решившись на что-то, произнес он. – Но вы же не станете отрицать, что очень много из реальных сегодня вещей раньше было фантастикой?

– Так что же это?

– Ну, в общем... – протянул он. – В общем, это перемещение во времени, – выдохнул он и замолчал, глядя на меня.

– Перемещение во времени? – подняв брови, осторожно повторил я. Потом взял бутылку и наполнил рюмки. – Так-так?

– Ну вот, – тут же расстроился он, – вы не верите мне.

– Нет, почему же? – я чокнулся с его рюмкой, стоящей на столе, и выпил. Он продолжал смотреть на меня, потом тоже взял рюмку и выпил.

Затянувшись, я стал тушить сигарету в пепельнице, стараясь не смотреть на него, чтобы не обидеть неосторожным взглядом. Мне подумалось, что неизвестно, кто из нас более сумасшедший: тот, кто прыгает с моста, или тот, кто занимается перемещениями во времени. Хотя в этом смысле мы нашли друг друга. Но, так или иначе, мне не хотелось смеяться над ним. Пусть рассказывает – почему бы и не послушать про перемещения во времени под бутылку и сигареты?

Вечер только начинался.

Инженер-хирург Сергей Степанович молчал, с какой-то обреченностью глядя на меня, похоже, зная, о чем я думаю, похоже, не в первый раз затевая такой разговор, похоже, уже получая подобную, а то и похуже реакцию на эти свои слова. Мне вдруг стало жаль его – то, о чем он говорил, наверно, было очень важно для него. В принципе, я понимал его, да и вообще не любил смеяться над чужими мечтами. Мечта – замечательная вещь, хотя бы тем, что она есть.

– Так в институте вы пытались выяснить возможность перемещения во времени? – как можно более серьезно спросил я.

– Да, – осторожно ответил он, не доверяя моей серьезности и, в сущности, правильно делая. – Но в институте я так ни к чему и не пришел. Только потом, когда окончил его и стал работать... Конечно, на работе у меня было гораздо больше возможностей: в моем распоряжении находились приборы, инструменты – ну, вы понимаете, – я кивнул, – и вообще целая лаборатория, когда я оставался один по вечерам. Знаете, я практически каждый вечер оставался после работы и сидел допоздна, благо была такая возможность и там, в лаборатории, и сам я тогда еще не был женат.

– А вы женаты?

– Да, двое детей, – мимоходом сообщил он. – Ну вот. В общем, в конце концов я выяснил, что перемещение во времени невозможно...

– Ага! – вырвалось у меня. И я тут же пожалел, что сказал это – он только разговорился, начиная доверять мне нечто сокровенное, а я... – Хотите еще выпить? – схватился я за бутылку, чтобы как-то загладить свою оплошность и смягчить возникшее напряжение.

– Давайте, – пожал плечами сразу сникший Сергей Степанович.

Я наполнил рюмки.

– Нет, я вас слушаю, – как бы извиняясь, сказал я. – Но все же это действительно необычно и неожиданно для меня.

Он кивнул, совершенно без энтузиазма принимая мои извинения. Мы чокнулись и выпили.

– И что же дальше? – спросил я, снова закуривая. – Вы ведь хотели рассказать не о том, что это невозможно.

Как-то странно было говорить «перемещение во времени», и я сказал просто «это». Кажется, Сергей Степанович заметил мои лингвистические хитрости, но все равно продолжил:

– В общем, в конце концов я выяснил, что перемещение во времени невозможно для материальных тел, – нарочито равнодушно, словно лишь исполняя мою просьбу, произнес он. – И так бы все и кончилось, если бы я случайно не попал в больницу, – он улыбнулся. – Да, опять попал. Но когда я стал там работать, появилась возможность поступить в медицинский институт, ну, по направлению из больницы, –

уточнил он.

– Угу, – кивнул я.

Напускное равнодушие проходило, увлеченность снова зажигалась в нем.

– Я и поступил. Окончил его и, таким образом, получил еще и медицинское образование.

Я чувствовал, что алкоголь начинает шуметь в голове. Не знаю, как Сергей Степанович, но мне уже становилось все равно, как долго мы будем сидеть так. Я думал, что очень хорошо сделал, когда позвал его в гости.

– И после этого я смог несколько иначе взглянуть на проблему перемещения во времени, – продолжал он. – Я возобновил свою работу, но как бы с медицинской точки зрения. Точнее, и с точки зрения физики тоже, но... Таким образом, в конце концов я обнаружил одну интересную вещь, – он замолчал, видимо, предвещая кульминацию в своем рассказе.

– Да? Какую? – чувствуя, что должен как-то отреагировать, сказал я, и стараясь следить за своей интонацией, чтобы случайно не обидеть его.

– Вы ведь знаете, что мозг человека – очень сложная вещь? – Я кивнул со знанием дела. – Ну вот. Не буду долго рассказывать как, но я обнаружил... Короче, я обнаружил, что можно влиять на сознание человека, именно на сознание. Некоторые нервные центры и...

– Гипофиз? – подсказал я.

– Что? – он обратил на меня взгляд, словно только сейчас

обнаружил мое присутствие рядом.

– Ну... гипофиз, – не зная, как еще сказать, повторил я. – Как в «Собачьем сердце».

– Нет, не гипофиз, – не замечая моей иронии, отмахнулся он. – Хотя там близко, но... Неважно. Вы понимаете, о чем я? – с азартным блеском в глазах спросил он.

– Вы о сознании человека, – напомнил я, чувствуя, что все-таки уже захмелел, и, желая усугубить это, снова наполнил рюмки. – Давайте? – поднял я свою.

– М-м-м... Да, – рассеянно произнес он, беря рюмку, и выпил, похоже, даже не заметив этого.

– Да, о сознании, – сказал он, ставя пустую рюмку. – Но вы понимаете, какая вещь? Перемещение во времени невозможно для материальных тел, но сознание ведь не материально. Понимаете?

– Понимаю, – кивнул я.

– Вот, – немного успокоившись моим пониманием, сказал Сергей Степанович, но потом продолжил так же возбужденно: – В общем, я разработал устройство, которое, влияя на определенные нервные центры головного мозга полем определенной частоты и интенсивности, может перемещать сознание во времени.

Он замолчал, победно глядя на меня. Наверно, в его представлении после этих слов должен был последовать шквал аплодисментов и восторженные выкрики. Возможно, он и слышал их сейчас где-то внутри, только я пока не видел

причин для восторга.

– Что? – словно не расслышав, спросил я.

– Ну, такое устройство, – он показал на пальцах. – Оно генерирует поле и...

– Нет, подождите, – перебил я его. – Бог с ним, с устройством. Как это – перемещает сознание во времени? Что это значит? Как телевизор, что ли?

Опьянение брало меня в свои резиновые руки, идея перемещения во времени уже не казалась такой уж невероятной, я хотел побольше узнать об этом и все понять.

– Нет, не как телевизор, – Сергей Степанович вздохнул, видимо, думая, что сказал уже все, но приходилось объяснять дальше. Для него, наверно, это были совершенно очевидные вещи, только он не учел, что я впервые слышу об этом. – Как вы думаете, что определяет вас – ваше тело или ваше сознание?

– М-м-м... – несколько обескураженно протянул я. – Как-то я никогда не разделял эти понятия.

– Это конечно, – кивнул Сергей Степанович. – Но все же, как вы считаете, ваша личность в вашем теле или в вашем сознании?

– Ну, – я поднял взгляд к потолку, опьянение явно подсказывало ответ. – Наверно, в сознании, – ответил я.

– Вот, – удовлетворенно произнес Сергей Степанович.

Я пожал плечами.

– Собственно, это ведь известно. Но к чему вы об этом?

Сергей Степанович снова кивнул.

– Понимаете, – медленно проговорил он. – Как бы вам объяснить?.. В общем, человек живет в течение какого-то времени от рождения до смерти. То есть если представить себе время как некую линию, то человек занимает на ней какой-то отрезок. Причем с точки зрения времени он присутствует в каждой точке этого отрезка. Понимаете? Так вот. Сейчас вы находитесь где-то, скажем, посередине, но впереди и сзади – то есть в будущем и в прошлом – вы тоже есть. Сознание, перемещаясь во времени, переходит в ту или иную точку вашей жизни – в ту или иную минуту или секунду. Но поскольку сознание не может быть само по себе, оно перемещается в вас же, только в прошлом или в будущем.

Я нахмурился, пытаюсь понять, но теперь опьянение мешало мне.

– Так я перемещаюсь или нет?

– Вы сами, ваше тело – нет. Перемещается только сознание.

– Вот как? И что же? Я все-таки не совсем понимаю, что происходит в этом случае?

– А происходит то, что вы становитесь собой, только в том, другом времени, – Сергей Степанович пожал плечами, словно сказал что-то самое обычное и вполне очевидное.

– Собой? А... а что происходит со мной сейчас, то есть в настоящем?

– Ничего не происходит. Потому что, сколько бы вы ни были в другом времени, возвращаетесь вы всегда в тот же момент, из которого вышли, и в настоящем проходит лишь мгновение, можно сказать, вообще ничего.

– Н-да? – я пытался свести концы с концами – что-то было не так, но никак не получалось понять, что именно. – А все-таки, – проговорил я, – как это – становлюсь собой?

– Ну, это просто. Вспомните какую-нибудь ситуацию из прошлого. Фактически, вы снова окажетесь в ней, только тело будет как бы не ваше, хотя ваше, конечно, но не сегодняшнее, а из того момента – в общем, вы окажетесь внутри себя в том времени.

– А ощущения? В чем будет разница? – не сдавался я, пытаясь докопаться до сути.

– Практически никакой разницы. Ваше сознание будет в вашем теле, и вы будете ощущать себя абсолютно так же, как и сейчас.

– То есть, получается, я и оказываюсь в прошлом? – чувствуя себя несколько глупо, проговорил я.

– Вот именно, – подтвердил он. – Только сами вы не перемещаетесь, а лишь ваше сознание – вы как бы становитесь собой. Хотя почему «как бы»? Вы просто становитесь собой в том времени – и все.

Сергей Степанович замолчал. Я неподвижно смотрел на пустую рюмку, слушая эхо в голове от его слов.

– Дзэн-буддизм какой-то, – потом пробормотал я. – А...

память?

– Что память?

– Память останется? Если я перемещусь в прошлое, то буду знать и помнить все, что сейчас?

– Ну конечно! – радостно произнес он.

– То есть, перемещаясь в какие-то события в прошлом, я буду знать, чем они кончатся? – уточнил я.

– Да, если вы знаете об этом сейчас.

– А в будущем? – глупо спросил я.

– Ну, вы же не знаете, что было в будущем. Я привел пример о прошлом потому, что его вам представить легче – вы ведь еще не были в будущем, – он хитро посмотрел на меня и добавил: – Пока не были.

– Хм-м, – задумчиво протянул я и наполнил рюмки. Потом еще более задумчиво посмотрел на бутылку, которая после разливания стала пустой, и поставил ее на пол. – У меня еще есть, – как-то механически проговорил я, продолжая думать, хотя толком и не понимая, о чем.

Мы выпили, потом закурили.

– И что, – спросил я, – вы хотите сказать, все это реально?

– Конечно. Иначе зачем бы я стал говорить об этом?

– Кто вас знает, – осторожно и все так же задумчиво произнес я.

Мы молча курили. Сергей Степанович поглядывал на меня, видимо, ожидая дальнейших расспросов, но я пока не хотел ничего спрашивать. Я думал о том, что когда-то происхо-

дило со мной и как бы я мог сделать все, если б знал, к чему приведут мои действия. Конечно, это было интересно, но...

– Кофе хотите? – спросил я инженера-хирурга.

– Да, – ответил он.

– Тогда подождите немного.

Я встал и пошел на кухню. Включил там чайник и стоял, глядя в ночь за окном. Черное небо, огни домов... Потом, когда чайник вскипел, сделал кофе и вернулся к Сергею Степановичу. Он курил, сидя за столом.

– Хорошо, – сказал я, ставя чашки и присаживаясь напротив него, – а какое отношение это имеет ко мне? Зачем вы рассказали это? Ведь не просто чтобы поделиться своими мыслями. Насколько я понял, у вас есть какое-то предложение?

– Да, – кивнул он, осторожно отпивая горячий кофе. Я ждал, пока он поставил чашку, взял сигарету и снова закурил. – То устройство, о котором я говорил, действующее на сознание и осуществляющее перемещение... Оно реально существует. Я сделал его. Не буду рассказывать как – это стоило большого труда – оно довольно сложное и пришлось поднимать массу знакомств, да и я сам... В общем, неважно. Главное, что я его сделал и оно работает.

– То есть вы перемещались во времени? – спросил я, чувствуя, что задаю этот вопрос не с деланной, а с совершенно искренней серьезностью.

– Нет, – улыбнулся он, – все не так просто. Я проверял

его с помощью приборов, оно создает необходимое поле – все работает как нужно.

Я молчал, не желая перебивать. Он послушал мое молчание и, видимо, истолковав его как ожидание, продолжил:

– Чтобы действительно осуществить перемещение, устройство должно быть помещено в мозг, в конкретное место, где оно будет действовать на определенные нервные центры, – он посмотрел на меня. – Вот, собственно, это я и хотел вам предложить.

– То есть вы хотите поместить его в мой мозг? – спросил я словно о том, что сегодня он хочет оставить свой портфель у меня.

Сергей Степанович кивнул:

– Если, конечно, вы согласитесь.

– Да? – я думал. – А оно... какое?

– В смысле?

– Ну, большое, маленькое?

– Нет, небольшое, – он показал на пальцах. – Чуть больше горошины.

– И... и что? – я не знал, как сказать. – Я чувствую, есть какой-то подвох. Почему вы обратились именно ко мне?

– Никакого подвоха нет, – спокойно ответил он. – Я вам сразу честно говорю, что операция по имплантации устройства достаточно сложна и связана с большим риском для жизни. Именно поэтому я и обратился к вам.

– Ко мне? – удивился я. – Но почему?

– Как же? – в свою очередь удивился он. – То, что было там, на мосту... Извините, конечно, но, как я понял, вы не очень дорожите своей жизнью – вот я и счел возможным предложить вам это.

– Хм...

– Поскольку вы были готовы просто так расстаться с жизнью, я подумал, что раз уж вам все равно...

– Вот как?

– Нет, – немного испугался он, – я, конечно, не желаю вашей смерти. Но то, что я предлагаю... По-моему, это достойно внимания и, насколько мне понятны причины вашего поступка, это может раскрасить вашу жизнь, придать ей новый смысл.

– Хотите дать мне смысл жизни? – проговорил я.

– Нет, что вы, – еще больше испугался он. – Наверно, я просто не так выразился. Я хотел сказать...

– Ладно, – прервал я его, – ничего. Я вас понял. В общем, конечно, зачем просто так тратить свою жизнь?

Черт! Оказывается, Сергей Степанович только выглядел тихим интеллигентом, а на самом деле... Ну, хорошо...

– Ну, хорошо, – сказал я. – А насколько большой риск? И вообще, как это все – расскажите подробнее?

– Риск большой, – признался он. – Это ведь довольно необычная операция и... Но я знаю, что смогу сделать ее. Собственно, я ее делал несколько раз... на покойниках.

– На покойниках? – сказал я. – А почему? То есть понятно

почему. Но, как я вижу, вы идете необычным путем, или, точнее, неофициальным. Почему так?

Он вздохнул.

– В этом-то все и дело, – печально произнес он. – Когда устройство было разработано и вообще все готово, я пытался обращаться в разные инстанции, но... – он грустно улыбнулся. – Как только они понимали, что речь идет о перемещении во времени, на этом разговор сразу и кончался. В лучшем случае мне просто вежливо отказывали, а бывало, что и поднимали на смех, – он тяжело вздохнул. – Куда я только ни обращался – все бесполезно. Хотя их тоже можно понять: сейчас многие действительно нужные темы закрываются из-за отсутствия денег, а у меня... – он обреченно махнул рукой, потом взял сигарету и закурил.

– И как же вы? – спросил я.

Он пожал плечами.

– Пытаюсь сам что-то сделать. Вот собрал устройство на собственные деньги, все проверил. Только это так и останется бесполезным, если не найдется человек, который мне поможет. Я ведь не могу сделать операцию сам себе, – он снова грустно улыбнулся. – А найти кого-то, кто согласится на смертельный риск... – он замолчал.

– За деньги, мне кажется, можно, – проговорил я.

– За деньги – наверное, – согласился он. – Но это ведь должны быть большие деньги – а где их взять? Я работаю в больнице, и зарплата у меня – сами понимаете.

– Да, – вздохнул я.

– Вот я и говорю, когда увидел вас там, на мосту, подумал, а почему бы не предложить вам это? Раз уж вам все равно...

– Все равно, говорите? – я посмотрел на него.

– Ох, извините, – снова испугался он. – Я все время говорю что-то не то. Но... вы ведь меня понимаете?

– Да, понимаю.

Да, я понимал его. Это то, что называется одержимость. Хорошая светлая одержимость. Я всегда считал это одним из лучших человеческих качеств и когда-то сам болел этим. Да, хорошо быть одержимым! Но только когда испытываешь это, не думаешь так, особенно если нет возможности достичь цели.

Сергей Степанович сидел передо мной. Оставалось только завидовать, что у него есть цель. Но вряд ли стоило завидовать ему. Нет, пожалуй, лучше вот что.

– Я сейчас, – сказал я. Потом пошел на кухню, взял там вторую бутылку и вернулся к нему. Наполнил рюмки. – Пусть у вас все получится, – с улыбкой проговорил я.

Мы чокнулись и выпили. Потом снова курили. Сергей Степанович как-то странно поглядывал на меня, словно ожидая чего-то. Я думал, что бы это могло быть. И потом догадался.

– Вы ждете от меня ответ?

– Я уже все рассказал, – проговорил он, – теперь... вам решать.

– Мне? – я улыбнулся. – Но вы же не станете требовать, чтобы я ответил прямо сейчас? Как-никак сначала нужно подумать – все-таки это серьезное дело, речь ведь идет о моей жизни.

– А там, на мосту, о чьей жизни шла речь? – тихо произнес он.

– Хороший вопрос, – согласился я. – Но... Нет, не сейчас. Все же непросто решиться на такое, вы должны понимать, – я снова улыбнулся. – Хватит с меня одного моста на сегодня.

– Конечно, я понимаю, – вздохнул он, видимо, принимая это как вежливую форму отказа.

– Нет, – поспешил я разубедить его, – вы не подумайте, я не отказываю вам. Просто... просто нужно собраться с мыслями.

– Да, конечно, – повторил он. Потом посмотрел на ночь за окном, на часы, на меня. – Мне пора, – грустно улыбнулся он, – уже поздно.

– Но у нас еще не все, – я показал на почти полную бутылку на столе. – Оставайтесь, места у меня хватит.

– Нет, спасибо. Завтра на работу, и жена дома ждет. Я пойду.

– Что ж, как хотите, – я не стал его уговаривать.

– Я пойду, – еще раз как бы извиняясь, проговорил он, потом встал и пошел в прихожую. Я последовал за ним.

– Как мы договоримся? – спросил он, надевая ботинки.

– Договоримся? – я пожал плечами. – Не знаю. Звоните.

Я сказал ему номер своего телефона, он достал из портфеля блокнотик и записал.

– Завтра вы будете дома? – спросил он.

– Наверно. А что?

– Я мог бы привезти кое-какие материалы, показать, чтобы вам все стало более понятно.

– Да? – как-то не хотелось отказывать ему.

– Я могу позвонить днем.

– Хорошо, – кивнул я, подумав, что очень легко можно устроить, чтобы меня случайно не оказалось дома.

– Так я позвоню? – уже в дверях сказал он.

– Да-да, – ответил я, – звоните.

Потом мы попрощались, и он ушел.

Я вернулся в комнату, собрал там все со стола и отнес на кухню. Потом лег спать.

* * *

Утром неуютно было жить на свете. Я пил кофе, глядя в телевизор, и чувствовал себя словно зародыш в утробе – таким же зажатым и скрюченным. Какую-то чушь показывали по телевизору, я лишь смотрел, почти не замечая того, что вижу, думал обо всем, или не думал, а просто пребывал в зажатости и скрюченности утра, ждал, когда оно кончится.

Все было не так утром. Свет был ярок и пронзительно остр, сыпуч словно песок, зыбуч словно песок. Я вспомнил,

как стоял вчера на мосту. «А ведь мог и вправду прыгнуть», – подумал я. И стало страшно, тошно и холодно в душе от воспоминаний об этом. Высота была у меня перед глазами, я отчетливо помнил, как стоял там. Только теперь я боялся этого, страх заполнял меня. Все было не так уютно.

Все было не так всегда. Когда-то давно утро тоже приходило в мир каждый раз после ночи, и я был в нем, и свет был так же холоден и зыбок, но я не замечал этого. Я был где-то с кем-то, с кем-то... Я мечтал о покое. Все что я хотел – это быть собой, и делать то, что хочу, и не зависеть ни от чего, и не быть обязанным, и не исполнять обязанности, и не притворяться. В общем, серая жизнь угнетала меня, я ненавидел ее и хотел избавиться от нее (от серости и однообразия, а не от самой жизни). Что может быть банальнее такого желания?

И вот однажды мне повезло: я смог неплохо заработать, и деньги перестали быть проблемой для меня. Правда, я не стал таким уж богатым, но, на свой страх и риск положив почти все в банк, я теперь жил на проценты. Не сказать, чтобы это было слишком много, но мне хватало вполне. Собственно, мне и не нужно много – просто чтобы не исполнять каждодневные обязанности по зарабатыванию денег и не превращать свою жизнь в серую рутину. В общем, я получил, что хотел: свободу, покой... Что еще? Да все, о чем думал. А о чем не думал... Тогда я не думал о том, чего у меня было через край. Тогда я не хотел чего-то еще. Все было

не так тогда.

* * *

Телефонный звонок раздался в моем доме. Я подошел и взял трубку:

– Алло?

– Здравствуйте, – услышал я вежливый голос, – это Сергей Степанович. Помните вчера?..

– Да-да, – ответил я, – конечно.

– Я обещал позвонить сегодня и... – он замолчал.

«И позвонил», – мысленно закончил я за него. Странно было слышать его голос. Словно тебе звонит герой фильма, увиденного вчера, – инженер-хирург Сергей Степанович казался мне именно таким. Он был реален, безусловно, но уж слишком похожи на бред все эти вчерашние разговоры о перемещении во времени. Я вспомнил, что под конец почти поверил ему. Надо же! Сейчас я не понимал, как можно было всерьез говорить об этом. Впрочем, утро всегда преподносит сюрпризы, ставя мир с ног на голову... или наоборот.

В общем, вчерашние события представлялись мне каким-то сном. Инженер-хирург Сергей Степанович был не более чем персонажем фильма, который мне показывали вчера (кто показывал?). И вот теперь я слышал его голос в трубке телефона. Сон оказывался явью, фильм продолжался. Продолжался даже утром.

– Я хотел узнать, вы не заняты сегодня? – как-то скованно, явно смущаясь, произнес он.

– М-м-м... – я думал, что ответить. Можно было сказать, что сейчас я ухожу по каким-нибудь очень важным делам, но не хотелось повергать его в печаль, которая, я чувствовал, тут же последует за таким моим ответом. – А что? – осторожно сказал я.

– Я мог бы приехать к вам, – еще более смущенно и зажато проговорил он, – показать кое-какие материалы...

– Да?

Я начинал понимать две вещи: во-первых, что просто не могу обманывать его – уж слишком он был беспомощен и открыт; и во-вторых, мне все-таки интересно узнать, что же у него там на самом деле, интересно узнать, чем кончится этот фильм.

– Это недолго, – сказал он. – Я просто покажу кое-какие конкретные вещи и... – он замялся, видимо, желая продолжить, но не находя нужных слов, и в конце концов решил не продолжать: – И все, – просто закончил он.

«Опять недолго», – подумал я, вспомнив его вчерашние уговоры на мосту. Впрочем, ладно – что мне время?

– А когда вы хотите приехать? – спросил я.

– Часов в пять.

– Хорошо, – ответил я.

Он помолчал немного, переваривая мой ответ.

– Так я приеду? – потом уточнил он.

«Откуда мне знать?» – усмехнулся я про себя, но вслух сказал:

– Да-да, приезжайте.

– Хорошо, – сказал он. – Значит, в пять.

Потом мы перебросились еще парой фраз, затем положили трубки.

Я посмотрел на часы – до пяти была еще уйма времени.

* * *

Он явился точно в назначенный срок. Ровно в пять он, чуть запыхавшийся, стоял передо мной, когда я открыл дверь на его звонок.

– Здравствуйте, – смущенно сказал он из-под своего возбуждения, видимо, от быстрой ходьбы.

– Здравствуйте, – ответил я, – проходите, – и посторонился, пропуская его.

Потом он уселся на диван в комнате и стал что-то доставать из своего портфеля, пока я делал кофе на кухне. Когда я пришел к нему с двумя чашками дымящегося напитка, он сидел неподвижно, пряча напряжение под смиренным ожиданием. Я присел рядом. На столе лежали пара его тетрадок и какая-то книжка. Он смотрел на них, словно ребенок, не умеющий читать, на книгу сказок.

– Как на работе? – спросил я, начиная светскую беседу.

– Нормально, – пожал плечами инженер-хирург.

Было видно, что ему не терпелось поговорить о другом, но он не знал, как перейти к этому, не желая навязываться.

– Вы что-то принесли мне? – решил я помочь. Все же светская беседа – скучное занятие.

– Да, – в смущении, возбуждении и одновременно напускном безразличии произнес он.

Мне становилось все более интересно.

– Пейте кофе, – чуть улыбнулся я, – а то остынет.

– Спасибо, – кивнул он, но даже не взглянул на чашку, стоявшую перед ним. – Тут у меня расчеты, схемы, – все-таки не выдержал он и, взяв одну из тетрадок, раскрыл ее передо мной. – Вот смотрите...

В общем, его прорвало, и в ближайшие полчаса мне пришлось выслушать возбужденный монолог о расчете поля устройства, схеме устройства, конструкции и так далее. Свои слова Сергей Степанович тут же подкреплял показом формул и рисунков в тетрадках. Я слушал, попивая кофе и кивая в нужных местах. Все было понятно. В том смысле, что ничего не понятно, но ясно, что если начать разбираться, то все окажется правильно и четко. Разбираться, конечно, не хотелось, я просто кивал, понимая, кстати, что имею дело с достаточно профессиональным занудой, увлеченным своим делом и сующим нос в каждую мелочь, дотошно разрабатывая каждую часть. И это, надо заметить, было хорошо – по опыту я знал, что вещи, сделанные такими людьми, практически всегда работают, и работают как нужно. Таким образом,

к концу его монолога я уже не сомневался, что то, о чем он говорит, вполне реальная вещь, а отнюдь не бред и фантазии, как мне казалось вначале. Что ж, хорошо. Это было хорошо. Я начинал верить ему.

– Ну, хорошо, – когда он, как мне показалось, закончил, сказал я, – создать нужное поле – это не фокус. Все это так или иначе возможно. Только мне не понятно одно: какое отношение это имеет к перемещению во времени? – как-то дико было произносить эти три последних слова, я заметил, что сегодня первым сказал их.

– Да, – кивнул Сергей Степанович, – мне повезло, что вы оказались достаточно образованным человеком и вам гораздо проще объяснить это. Что же касается перемещения во времени, как я говорил, это связано с сознанием, то есть эта часть относится к области медицины. Возможно, здесь вам будет разобраться сложнее, но я попробую объяснить.

И в следующие полчаса я выслушал еще один монолог – теперь уже на медицинскую тему. Да, действительно это было весьма туманно для меня, но я курил, допивал кофе – в общем, дослушал все до конца. Сергей Степанович оказался на редкость дотошным. Пожалуй, в этот раз он не уложился в полчаса, но дело было не в этом. Я наблюдал азарт, лихорадку, просто какую-то безумную увлеченность в нем. Одержимость, которую я увидел вчера, оказалась только верхушкой айсберга и была просто ничто по сравнению с той огромной действительной одержимостью, которая владела

им. Вот так. Я имел дело с сумасшедшим ученым, который предлагал мне поучаствовать в его опытах в качестве подопытной крысы. Впрочем, определение «сумасшедший» казалось лишь его одержимости – на самом деле он был вполне компетентен, и я видел: вполне можно доверять ему. И еще. Я чувствовал, что мне интересно – его азарт был заразителен. Хотя я и не стремился проникнуть в каждую мелочь, но мне было очень интересно, чем же все кончится, как это будет и будет ли вообще.

– Ну вот, – в конце своего монолога сказал Сергей Степанович, – теперь вы знаете практически все об этом.

Он несколько устало откинулся на спинку дивана. Его тетрадки и медицинская книжка, в которой он показывал мне разные картинки мозга и еще чего-то, лежали на столе, он продолжал смотреть на них, словно ожидая, что оттуда выскочат какие-то новые подробности, которые тут же надо будет объяснить.

– Угу, – сказал я, прикуривая и пододвигая к нему сигареты. – Курите.

– Спасибо, – из глубин своих мыслей отозвался он и тоже закурил.

Мы молчали. Сергей Степанович не собирался говорить, судя по всему, израсходовав все имеющиеся у него слова.

– Значит, вы уверены, что все получится? – потом спросил я.

Он кивнул.

– Но риск все-таки есть, – сказал я.

Он кивнул.

– Но вы считаете, что сможете справиться.

Он кивнул.

Я чувствовал, что разговариваю сам с собой.

– А от меня требуется только доверить вам свою жизнь, – полувопросительно произнес я.

Он бросил на меня какой-то жалкий, даже испуганный взгляд.

– Я очень надеюсь на это, – проговорил он. – Вы моя последняя надежда.

Я улыбнулся.

– Звучит так, словно не я вам, а вы мне доверяете свою жизнь.

– Может быть и так, – совершенно серьезно ответил он.

Черт! Я видел, что он не шутит, все это крайне важно для него и, наверно, нет ничего важнее этого на свете.

– Как ваша семья? – спросил я. – Жена не ругалась вчера, когда вы пришли поздно?

– Нет, – безразлично произнес он.

– Слушайте, а зачем вы вообще женились? – совершенно без причины вдруг спросил я.

– Что? – он словно бы не расслышал.

– Нет, ничего, – пробормотал я, – извините.

Мы снова молчали. Потом он докурил сигарету, затушил ее в пепельнице.

– Я пойду, – со вздохом сказал он, – а то жена действительно будет ругаться – я уже второй вечер пропадаю.

– Да? – я был удивлен такими словами. И еще у меня вдруг возникло ощущение, словно бы я в чем-то виноват перед ним – непонятно почему.

– Я пойду, – слабо улыбнувшись, еще раз сказал Сергей Степанович. Потом положил свои тетрадки и книжку в портфель и пошел в прихожую.

– До свидания, – сказал он одевшись.

Я все чувствовал непонятную вину перед ним.

– Вы позвоните? – спросил я.

– Да, – кивнул он.

– Когда?

– Могу завтра, – пожал он плечами. – Хотя нет, завтра я буду занят. Скорее всего послезавтра.

– Давайте послезавтра, – я улыбнулся, стараясь загладить чувство вины в себе.

– Хорошо, – он повернулся и хотел идти.

– Звоните, – сказал я ему.

– Хорошо, – кивнул он и ушел.

Когда я закрыл за ним дверь, то подумал, что совершенно не знаю ни его адреса, ни телефона – вообще ничего. И если вдруг он не позвонит, я не смогу найти его сам. Странно было понимать это. В комнате на столе стояла его чашка с остывшим кофе, он так и не притронулся к ней.

Итак, зачем же я полез на тот мост?

А все было просто. Просто мне было скучно. В какой-то момент я вдруг понял, что жизнь скучна и бессмысленна. Мне не к чему стремиться, я ничего не хотел. Добившись покоя и свободы, я потерял цель. Карьера и деньги меня не интересовали. Женитьба? Только усмешка в ответ. Я уже пробовал жениться, и ничего хорошего не вышло из этого. Кто был прав, кто виноват – какая разница? Я понял, что не хочу этого, и был рад остаться один. В общем-то, одиночество никогда не тяготило меня и даже нравилось иногда. Но потом одиночество стало моей жизнью. И, собственно, в этом не было ничего плохого, только мне было скучно, просто совершенно нечего делать.

Избавив себя от забот о хлебе, я избавил себя от всяких дел. Каких-то увлечений у меня, пожалуй, не было, а увлечься надуманными вещами мне представлялось глупым. Друзья? Что ж, интересно иногда зайти к друзьям, но все равно это не занятие, лишь мимолетное развлечение, такое же пустое, как и все другие. Я, конечно, поразвлекался разными способами какое-то время, но это быстро надоело своим однообразием и полной пустотой, бессмысленностью. Я не знал, куда себя деть, и впереди не видел ничего, кроме все той же скуки, скуки... В общем, добившись желаемого,

я поймал себя в смешную ловушку, загнал в пустой тупик благополучия.

Короче, все было просто, до смешного банально и просто. Я прозябал в скуке и безделии, все больше не понимая, зачем делаю это. Наверно, можно было придумать сотню-другую выходов из этого, только все они были либо временные, либо мнимые, а то и просто глупые. И проходя однажды по мосту, я вдруг подумал, что интересно бы проверить, насколько лицемерны мои высказывания о бессмысленности жизни и о том, что только страх заставляет тянуть все это никчемное существование. Я решил посмотреть, чего стою и смогу ли преодолеть свой страх, настоящий страх, не за карьеру или деньги. Вот, собственно, и все. Но инженер-хирург Сергей Степанович, который, на беду или на счастье, случайно проходил мимо, помешал мне узнать это. Хотя я ведь все-таки уполз оттуда – может, это и есть ответ?

Я сидел в наступающих сумерках и думал о происшедшем. Так на беду или на счастье попался мне этот Сергей Степанович? Впрочем, это вопрос скорее не о нем самом, а о том, что он предлагал мне.

Перемещение во времени... Я покачал головой. Надо же! Но все казалось продуманным и четким в его расчетах, разработках. А вдруг все так, как он говорит? Вдруг все это действительно реально? Может, стоит проверить?

В невидимой связи всех вещей заложено движение, и это движение совершает действие. Само. Совершая его,

оно не разрушает связь, но, мешая ему или делая за него, нельзя быть уверенным в сохранении связи. Мир движется. Медленно. Он огромен. Попробуй остановить мир, помешать его движению – и он раздавит тебя. Движение плавно. Застыть и предаться ему, чтобы не разрушить связь, остаться лишь маленькой частицей всего – что может быть безопасней и проще?

Но нет! Как можно всегда пребывать в бездействии, быть только крохотной песчинкой в непонятных руках? Я думал, какой шаг совершу теперь, как еще поспорю с миром о том, кто из нас является лишь частью? Мне нужен был такой шаг, чтобы не оставаться тенью во тьме, но я не знал направление, в котором совершить его. Я не видел цели и погибал в покое, к которому стремился.

Сказка не кончается, когда побеждают дракона – теперь я знал это. Победа – лишь начало поиска нового дракона, и этот поиск тяжелее самой битвы. Как славно видеть дракона перед собой! Какое наслаждение умереть, сражаясь с ним!

Так на беду или на счастье встретился мне этот Сергей Степанович?

* * *

Следующий день был довольно обычным. Я что-то делал – уже не помню что. Кажется, ходил в магазин, потом смотрел телевизор, потом читал, сидя в комнате. Как-то не полу-

чалось сосредоточиться на книжке – мысли о Сергее Степановиче и о его проекте лезли в голову. Я пытался не замечать их, но они были навязчивы не меньше самого Сергея Степановича. В конце концов я отложил книжку и закурил.

Так что же делать с этим инженером-хирургом? Может, действительно попробовать? А вдруг получится? Вдруг все и вправду будет так, как он говорит? Я пытался представить это. Перемещение во времени... Нет, не само перемещение, а, скорее, те, другие времена. Снова побывать в них? Хм...

Интересно было бы снова оказаться там. Я стал вспоминать. Каждое время определяло себя чем-то. Они были разные: года, какие-то периоды жизни. Что определяет время? Конечно, события. Но не только, нет, не только...

Я помнил оттенки и ощущения разных времен, каким я был тогда. Звуки и краски. Разные желания владели мной, разные чувства. Я вспоминал, представляя себя в тех временах. Года проходили передо мной, я был в каждом из них, в любом. Словно фотографии перебирая в руках, я смотрел на годы, но бывая там, ощущая их вновь, ощущая себя. Оттенки каждого времени, звуки и краски. Я слушал себя, смотрел вокруг. Тени ушедших времен витали в воздухе, кружили передо мной разноцветным хороводом. Я смотрел. Я слушал. Погружался в них...

Тишина. Ночь. Я открыл глаза. Было темно. Оказывается, я не заметил, как уснул. Ночь за окном. Я сидел, глядя во тьму. Потом встал и включил свет. «Что ж, – подумал я, –

значит, стоит проверить утверждение инженера-хирурга».

И, собственно, почему бы и нет? Чем, в сущности, это отличается от того моста? Возможно, только тем, что, шагнув вперед, я полечу вверх или вниз. Да, я улыбался – это было похоже: либо вверх, либо вниз.

Я стоял, глядя перед собой. «И, в сущности, какая разница? – подумал я. – Мне уже все равно».

* * *

На следующий день он снова позвонил мне.

– Здравствуйте, – услышал я голос в трубке телефона, – это Сергей Степанович.

– Здравствуйте.

– Я решил позвонить, узнать... Может быть, вы хотите... м-м-м... узнать что-то еще?

– Нет, – ответил я, – все, в общем-то, понятно.

– Да? И... вы подумали о моем предложении?

– Да, подумал.

Я чувствовал, как холод возникает в желудке и дыхание становится чаще.

– Что-то решили? – быстро и словно бы невзначай спросил Сергей Степанович.

«Ну давай! – мысленно сказал я себе. – Хватит бояться. Сколько можно быть трусом?»

– Да, – сказал я, радуясь, что это слово такое короткое.

– И что? – на том конце провода голос тоже не был спокойным. – Вы можете сказать сейчас?

– Да.

Холод в желудке испарялся ледяным паром, мешая дышать.

– Вы согласны?

Я старался успокоиться, но это было невозможно. «Трус, – металось в голове, – все-таки я трус».

– Да, – сказал я так коротко, как только можно сказать это – в легких совсем не было воздуха.

На том конце провода последовало молчание.

– То есть вы хотите сказать, что согласны на операцию? – потом осторожно проговорил Сергей Степанович.

– Да, – произнес я, понимая, что повторяю это далеко не в первый раз, и чувствуя себя глупо из-за этого. – Я согласен, – добавил я.

Снова молчание в ответ, потом медленный голос:

– Хорошо. Вы сегодня не очень заняты?

– Нет, – проговорил я, – сегодня я свободен.

– Тогда... тогда, может быть, вы подъедете ко мне?

– Куда?

– В больницу, – сказал он, – туда, где я работаю.

– Хорошо, – кивнул я, хотя он, конечно, не мог видеть меня. – А где это?

Примерно через час я был у него – ехать оказалось не близко. Сергей Степанович встречал меня у входа в боль-

ницу. Он курил, потом, издали заметив меня, выбросил сигарету и пошел навстречу. Мы пожали друг другу руки, и я молча последовал за ним. Наверно, нужно было сказать что-то, но я не знал что. Все казалось ясным, все слова лишними. Но молчать тоже было глупо – все же происходящее было достаточно серьезным. Только я совсем не знал, что сказать. Похоже, Сергей Степанович испытывал те же чувства. Он шел рядом и иногда как-то странно поглядывал на меня: то ли с извинением, то ли с неуверенностью.

– Доехали нормально? – наконец произнес он.

– Да, – ответил я, – нормально.

Он кивнул.

Мы зашли в больницу. Сергей Степанович повел меня по коридорам, потом вниз по лестнице, потом еще коридор, и мы остановились у двери. Сергей Степанович достал ключ и открыл ее.

– Это мой кабинет, – сказал он. – Заходите.

Я вошел. Это было подвальное помещение без окон. У правой стены стоял письменный стол с парой стульев перед ним, прямо – кушетка и маленький столик возле нее, слева у стены – холодильник, а рядом с дверью – деревянная вешалка, такая, какие делали раньше – на толстой ножке и с кроной из крючков и ветвей для шляп. Черная занавеска перегородивала кабинет от двери до стены справа, а чуть левее за письменным столом была тяжелая металлическая дверь.

– Там ускоритель, – сказал Сергей Степанович, заметив,

что я смотрю на металлическую дверь. – Хотите посмотреть?

– Нет, – чуть улыбнулся я, – спасибо.

– Ну да, вы их, наверно, много повидали, раз работали с этим.

Я пожал плечами.

– А там что? – я кивнул на черную занавеску.

– Там выход ускорителя, – Сергей Степанович отодвинул край занавески, и я увидел какие-то приборы, кушетку и стул рядом с ними.

Потом он показал мне на один из стульев перед письменным столом.

– Садитесь, – сказал он.

Я послушно сел. Сергей Степанович взял ключ из ящика стола, подошел к сейфу, который я не заметил сразу за холодильником, и, открыв дверцу, достал оттуда что-то. Затем вернулся ко мне и поставил это на стол. Металлическая коробка. Сергей Степанович открыл ее и вынул из заполнявшей ее ваты небольшой стеклянный пузырек.

– Вот, – сказал он, показывая мне то, что было внутри, – это устройство, о котором я говорил.

Он держал пузырек передо мной, не отдавая в руки, но было видно, что на дне лежит небольшой металлический шарик, впрочем, нет, это имело скорее овальную форму. Оно было размером примерно с горошину, и несколько тонких усиков отходили от него.

– И оно работает? – спросил я, хотя помнил, как он рас-

сказывал об этом, но просто не зная, что еще сказать.

– Да, оно создает необходимое поле, – ответил Сергей Степанович. – Я проверял.

– А эти усики... Что-то вроде контактов?

– Да. Я говорил вам, что устройство питается от биотоков мозга, оно полностью автономно и не требует никакой подзарядки. Фактически, оно станет такой же частью организма, как и любой другой орган. Только, конечно, необычный, новый орган.

– Новый орган? – я смотрел на маленькое устройство. – Орган времени, – проговорил я.

Сергей Степанович улыбался, и радость светилась в его глазах.

– Да, – сказал он. – Орган времени!

Потом он убрал устройство обратно в коробочку, а коробочку – в сейф.

– Что ж, а теперь пойдете, – стоя передо мной, сказал он.

– Куда?

– Я договорился с врачами – вас посмотрят, проверят ваше здоровье. Это недолго.

– У вас все недолго, – улыбнулся я.

– Да? Извините, – он тоже улыбнулся.

На этот раз «недолго» Сергея Степановича означало около двух часов. Он водил меня по разным кабинетам, по разным врачам, где меня всячески осматривали, подключали к разной аппаратуре... В общем, мне порядком надоело это

занятие, и я был рад наконец вернуться в кабинет Сергея Степановича.

Помню, что, подходя к двери, мы говорили о чем-то веселом, смеялись. Дверь оказалась не заперта. Войдя внутрь, я увидел за письменным столом девушку в медицинском халате.

– Это Леночка... м-м-м... Лена, – представил ее Сергей Степанович, – моя медсестра.

– Как это ваша? – фыркнула Леночка.

– Ну-у, мы же вместе работаем, – улыбнулся Сергей Степанович, пребывающий в благодушном расположении духа. Потом он представил ей меня и опустился на стул перед столом. – Садитесь, – показал он мне на кушетку у противоположной от двери стены. – Устали, наверно?

– Так, – неопределенно ответил я, не склонный откровенничать при Леночке, и последовал его приглашению.

Потом мы курили втроем. Сергей Степанович шутил и был явно доволен сегодняшним днем. Он тут же рассказал Леночке о том, что я согласился на операцию. Леночка при этом с каким-то сожалением и снисхождением посмотрела на меня, я сделал вид, что не заметил этого взгляда.

– Что ж, похоже, со здоровьем у вас все в порядке, – сказал мне довольный Сергей Степанович. – Конечно, результаты некоторых анализов будут известны только завтра или послезавтра, но, думаю, все будет хорошо.

Я молча слушал, поглядывая на Леночку. Она была до-

вольно мила, я принимал это к сведению.

– Но вам еще нужно будет приезжать сюда, – уже серьезно продолжал Сергей Степанович. – На всякий случай мы сходим и к другим врачам, – он перечислил к каким. – И надо готовиться к операции. Вы уколов не боитесь? – с улыбкой спросил он. Я улыбнулся в ответ. – Ну вот. Думаю, что операцию можно будет сделать на следующей неделе, в крайнем случае через неделю. Вы как, сможете освободиться на это время?

– Вполне, – кивнул я.

– И после операции еще пару недель придется полежать, – продолжил Сергей Степанович. – В принципе, я могу сделать вам больничный.

– Нет, не нужно, – сказал я.

– Ну, как хотите.

Потом мы собрались и пошли домой. Выйдя из больницы, Сергей Степанович стал прощаться.

– Мне на автобус, – сказал он, показывая вправо, – а вам на метро, – он показал влево.

– Хорошо, – ответил я, пожимая его руку.

– Значит, до завтра? – Сергей Степанович смотрел мне в глаза.

– До завтра, – кивнул я как можно более спокойно.

Потом он попрощался с Леночкой и ушел, а мы с ней направились к метро.

Леночка молчала, я шел рядом просто потому, что, види-

мо, было бы странно тут же оставить ее как совсем незнакомого человека... хотя, может, и не только поэтому.

– Вы с ним давно работаете? – спросил я, чтобы не молчать.

– Не очень, – сказала Леночка.

Я думал, что не получил ответа, впрочем, это было неважно. Я хотел понять, как мне говорить с ней. То есть что я хочу, когда говорю с ней? Вернее, хочу ли я что-нибудь, занимая ее беседой, или, скажем так: для чего мне нужно ее внимание, и нужно ли оно вообще, и... «Ну хватит, – сказал я себе, – довольно лицемерить и тратить красноречие на дурацкие вопросы – есть возможность потратить его с большей пользой. Н-да... Было бы только чего тратить...»

– А-а, – протянул я, – как он вообще, хороший врач?

Я улыбнулся, чувствуя, что делаю это с корыстной целью – все вставало на свои места... вернее, на рельсы.

– Ничего, – так же неопределенно ответила Леночка. Впрочем, ее ответы не имели значения. Рельсы блестели подо мной, но вагоны были тяжелы.

– У вас кабинет без окон, – сказал я. – Не скучно все время в подвале сидеть?

– Нет, – улыбнулась Леночка. – Я там не все время, иногда приходится по другим делам уходить.

– Я тоже раньше в таких местах работал, – сказал я и стал рассказывать про свою прошлую работу, хотя почти сразу перешел на более легкие темы. Леночка слушала, улыбалась.

Я думал, зачем я делаю это? Но, пожалуй, глупо было бы отвечать на этот вопрос.

Мы спустились в метро, зашли в поезд.

– Ты сейчас домой? – спросил я ее.

Леночка кивнула, как мне показалось, несколько грустно.

– Не хочешь сходить куда-нибудь?

– Куда? – перекрикивая шум метро, спросила Леночка.

– Я знаю одно уютное кафе здесь недалеко.

– Да? – улыбнулась Леночка.

Я немного солгал насчет недалеко (наверно, заразился от «недолго» Сергея Степановича?) – до того места оказалось около получаса езды, но мне просто не был знаком этот район. В кафе мы сидели за столиком. Был полумрак, музыка играла негромко.

– Я в медицинский приехала поступать, – говорила Леночка, – но провалилась. Решила пока в больнице поработать. Хорошо, у меня здесь тетка живет – я у нее поселилась. Но она сразу сказала, что только на первое время. Сейчас я уже больше полугода у нее живу – она ворчит, правда пока не выгоняет.

Я понимающе кивал, глядя на Леночку. Она была красива – мне нравилось говорить с ней.

Потом мы вышли из кафе и, пройдя немного по улице, увидели афишу кинотеатра.

– Я слышал, что это неплохой фильм, – кивнул я на афишу. – Интересно было бы проверить.

– Да? – улыбнулась Леночка.

Фильм оказался так себе, к тому же довольно длинный. Но мы все равно досидели до конца, обнимались там в темноте.

Вышли оттуда уже поздно. Было темно, мы шли к метро по пустой улице. Леночка вдруг остановилась, открыла свою сумочку и стала копать в ней.

– Что-нибудь не так? – спросил я.

– Да у меня ключей с собой нет, – с досадой произнесла Леночка. – Придется тетку будить, чтоб домой попасть. Она меня совсем съест.

Я думал, как бы помочь ей. Но, собственно, думать тут было нечего.

– Тогда у тебя два варианта, – сказал я, – либо лезть в окно, либо ехать ко мне в гости.

– Да? – улыбнулась Леночка.

Когда мы вышли из метро на моей станции, я купил бутылку чего-то сладкого и не слишком крепкого. Потом мы пошли к моему дому. Ночная прохлада наполняла воздух. Леночка чуть поежилась от холодного ветра. Я обнял ее, и мы так и шли, обнявшись, до дома. В подъезде было теплее, но я не выпускал ее. Зайдя в лифт, мы стояли рядом. Леночка была привлекательна и близка. Я притянул ее к себе и поцеловал. Она была послушна в моих руках.

Потом мы вошли в мою дверь. Я провел Леночку в комнату.

Ночь за окном. Вернувшись домой, я ощущал привычное чувство окончания вечерних приключений. Но приключения, конечно, еще не кончились.

– Кофе будешь? – спросил я Леночку.

Она кивнула, все еще чуть поеживаясь. Я усадил ее на диван, включил музыку и пошел на кухню. Но почти сразу вернулся. Леночка разглядывала комнату.

– Я там чайник поставил, – сказал я ей, – сейчас согреется.

– Ты один живешь? – как бы между прочим спросила она.

– Да, – ответил я.

Потом взял бокалы и наполнил их из принесенной бутылки чего-то сладкого и не слишком крепкого. Дал один Леночке и сам сел рядом.

– За хороший вечер, – улыбнулся я. Она улыбалась в ответ. Мы чокнулись и выпили.

Леночка снова чуть поежилась.

– Что-то никак не согреюсь, – проговорила она. – У тебя есть какой-нибудь свитер?

– Свитер? – притворно удивился я. – Нет, чтобы согреться, я знаю способ лучше.

– Да? – улыбнулась Леночка.

Я взял у нее бокал, поставил его на стол рядом со своим, потом обнял ее и хотел поцеловать.

– А как же чайник? – сказала Леночка.

Вот черт! Я ведь совсем забыл, что там чайник стоит на плите.

– М-м-м... я сейчас, – пробормотал я, потом вскочил и побежал на кухню.

На кухне уже окна запотели от пара. Я выключил газ, затем сделал кофе и вернулся в комнату с двумя полными чашками. Леночка сидела, просто слушая музыку. Я снова налил в бокалы чего-то сладкое и некрепкое.

– Еще раз за хороший вечер, – сказал я.

Потом опять сел рядом с Леночкой и обнял ее.

– Ну все, – сказал я, – теперь нам никакой чайник не помешает.

Я приблизился к ней, и тут магнитофон щелкнул автостопом – кассета кончилась. Я замер от неожиданности, Леночка смеялась в моих объятиях. Пару секунд я думал, стоит ли обращать внимание на отсутствие музыки, но Леночка все смеялась, тогда я встал и поменял кассету.

А потом я вернулся.

И тогда ночные приключения действительно кончились. Леночка была мила и послушна. Я стал лунным светом вокруг нее, огненным облаком в ночном небе. Приключения были со счастливым концом, как это бывает всегда... Хотя нет, пожалуй, не всегда, далеко не всегда.

Потом мы лежали в темноте. Медленное время окружало нас. Плавное и мягкое, долгое. Секунды не уходили – они появлялись вокруг и оставались парить неподвижными тенями. Все было так, словно ночь стала водой. И легкие волны чуть колыхали ее, и легкие ветра мягче пуха и самого

воздуха неподвижно парили над ней, лишь будучи ветрами, но не двигаясь с места, не делая ничего, ничего...

– Мне завтра на работу, – сказала Леночка, – нужно рано вставать.

Сейчас забавно было слышать о работе и о том, что наступит завтра и какое-то утро. Я улыбался в темноте улыбкой огнедышащего дракона, которому предложили воду.

– Ты слышишь?

– Да, – ответил я сквозь легкие волны ночи.

– У тебя есть будильник? Мне нельзя опаздывать – Сергей Степанович меня убьет.

Слова Леночки изменяли пространство. Я наблюдал движение вокруг: ветры ночи сорвались с места и набирали скорость, улетаая прочь, унося с собой воду ночи, но не всю, нет, не всю.

Леночка молчала. Ветры кружили на месте, не зная, что им делать.

– Ты правда согласился на его операцию? – спросила она.

– Правда, – сказал я, включаясь в разговор.

И ветры утонули, зацепившись за воду.

– Но зачем? Ты разве не знаешь, что можешь умереть?

– Знаю, – я отвечал из темноты, которая была везде.

Мое тело лежало под одеялом, там было тепло.

– Тогда зачем ты делаешь это?

Моя рука обнимала Леночку там же под одеялом. Я думал, вернуться ли туда?

– Зачем? – повторила Леночка.

Тело оставалось неподвижным, я не имел к нему отношения, по крайней мере пока не двигался.

– Так, – улыбнулся я. – Почему бы и нет?

И легкая дрожь прошла по телу где-то внутри, сладкая истома охватила меня. Жарко. Там было жарко, под одеялом, – Леночка рядом источала жар. Я чуть придвинулся, ощущая ее всей кожей, ее тепло, ее жар.

– Ты поставишь будильник? – спросила Леночка из темноты.

Я улыбался. Я был ветром над горячей пустыней.

– Да, – сказал я.

Потом включил свет, встал и взял будильник.

Перед тем как вернуться, я наполнил бокалы чем-то сладким и некрепким. Остывший кофе стоял на столе. Я дал один бокал Леночке, она села в постели.

– Хорошо, что ты пришла ко мне, – сказал я, чокаясь с ней.

– Да? – улыбнулась Леночка.

Она отпила немного и сидела в постели, облизывая губы. Мне это показалось соблазнительным – все же она была красива. Я взял бокал из ее рук и поставил на стол. Леночка смотрела на меня взглядом потревоженной кенгуру. И я не стал томить ее, я набросился на нее как стая голодных волков, став при этом пушистым и мягким, как котенок, родившийся в прошлую пятницу.

Ничего интересного не происходило в следующие несколько дней. Я ездил к Сергею Степановичу, Леночка ездила ко мне. Сергей Степанович ни к кому не ездил, он выглядел весьма довольным, с радостным азартом ожидая, когда придет день операции. Это должно было случиться в следующее воскресенье. А в это воскресенье, вернее, еще в субботу вечером Леночка приезжала ко мне и ушла только в понедельник на работу. Мне нравилось быть с ней, я позволял ей хозяйничать в доме и вообще потакал во всем. Это было забавно. Я находил удовольствие в присутствии женщины в своем доме и изображал послушание. Почему бы и не извлечь из этого максимум радости для нас двоих, пока это не перестанет быть интересным? Впрочем, может, и не перестанет – просто не успеет.

День операции приближался. Я совсем не думал об этом. Не то чтобы мне было все равно, но как-то... В общем, какой смысл думать? Моя роль в этом была проста. К тому же и Леночка отвлекала меня от всяких мыслей. А то, что я могу умереть, – я относился к этому с привычным цинизмом.

– Ну что ж, – говорил Сергей Степанович, когда я в очередной раз приехал в больницу, – до операции осталось два дня. Я договорился на послезавтра. В воскресенье утром операционная будет свободна, мне разрешили занять ее

на пару часов.

Мы сидели втроем в его кабинете: Леночка, он и я – курили. Я поглядывал на Леночку, Леночка поглядывала на меня. Мы изображали официальность и малознакомость, чтобы не смущать Сергея Степановича. Хотя, может, он и догадывался о чем-то, но, во всяком случае, не подавал вида. Мне было весело знать, что утром Леночка уходит на работу к нему. Потом днем я и сам приезжал туда. Сергей Степанович не знал, что мы приезжаем из одного дома. Впрочем, его можно понять – пространство большое, никогда не знаешь, откуда люди приходят к тебе.

Когда я приезжал в больницу, они кололи мне какие-то уколы. Точнее, колола, конечно, Леночка. Я привычно снимал штаны перед ней, и она, скрывая улыбку, делала свое медицинское дело. Сегодня все это было уже позади, мы, как обычно, курили перед тем, как идти домой.

– Я вас хочу попросить, – Сергей Степанович серьезно смотрел на меня, – вы, пожалуйста, не пейте в эти два дня. Хорошо?

– Хорошо, – кивнул я.

– Будет лучше, если на момент операции в вашей крови не будет алкоголя, – как бы оправдываясь, пояснил он. – Вы ведь понимаете?..

– Да-да, – улыбнулся я, – конечно.

– Ну вот, – удовлетворенный моим ответом, успокоился он.

Потом, когда мы прощались на улице перед входом в больницу, он был все так же, уже привычно за эти дни, оптимистичен.

– Вы не волнуйтесь, – пожимая мне руку, сказал он, – все будет хорошо – вот увидите.

– Я не волнуюсь, – беспечно отозвался я.

Потом он пошел на автобусную остановку, а мы с Леночкой – к метро. Леночка молчала как-то напряженно и, казалось, думала о чем-то мрачном. Я стал рассказывать что-то веселое, стараясь отвлечь ее, она улыбалась, но, похоже, все равно не оставляла своих дум.

Ночью все было не так. Ночью покой и плавность владели миром, таинственность, уединенность, восторг. Мы лежали с Леночкой в ночной темноте. Вода ночи вокруг? Не знаю... не помню... Может быть, в тот раз и не было никакой воды. Просто легкая усталость, истома после всего.

– Зачем тебе это? – тихо спросила Леночка в темноте, в тишине.

– Я хочу добраться до звезд и стать их светом, летящим тысячи лет, – так же тихо ответил я.

– Нет, я не про то, – капризно протянула Леночка. Я улыбался, обнимая ее. – Я про Сергея Степановича и его операцию.

– Что ж, может быть, это и есть путь к звездам, – тем же таинственным тоном ответил я, но уже с некоторой шутовской наигранностью.

– Ну хватит, – капризничала Леночка, – я серьезно. Ведь ты можешь умереть.

– Я тоже серьезно, – улыбался я. – И потом, все могут умереть.

– Но ведь не послезавтра.

– Кто знает? – я придал голосу трагическую глубину.

– Перестань, – Леночка начинала сердиться. – Ты отлично понимаешь, о чем я. Зачем тебе нужно рисковать своей жизнью непонятно для чего?

– Ты хочешь, чтобы я ответил? – теперь уже действительно серьезно сказал я.

– Конечно.

– Не знаю... Это слишком долго и, по-моему, ненужно. В любом случае, моя жизнь – это мое дело.

– Но почему ты так хочешь умереть?

– Я не хочу умереть. Почему я обязательно должен умереть?

– Но ведь ты можешь.

– М-м-м... – хотелось снова ответить ей в шутливом тоне, но я не стал. – Это риск, – сказал я. – Я не хочу бояться, я хочу рискнуть.

– Зачем? Зачем нужно понапрасну рисковать своей жизнью?

– Это не понапрасну, – сказал я. – И вообще, ты ведь спрашиваешь не для того, чтобы я ответил.

– Я не хочу, чтобы ты это делал, – проговорила Леночка. –

Откажись, я не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

– Да? – я был в некотором недоумении.

– А как же я? – Леночка повернулась и обняла меня. – Ты думаешь, мне будет хорошо, если с тобой что-то случится?

– М-м-м... – словно думая, протянул я. – Наверно, нет, – и улыбнулся.

– Не нужно, – прошептала она, положив голову мне на плечо, – не делай этого – я боюсь.

Я молчал – не хотелось повторяться.

– Нам ведь хорошо вместе? – продолжала шептать Леночка.

– Да, – как само собой разумеющееся ответил я.

– Вот и не нужно никакой операции. Зачем тебе это? У тебя ведь есть я.

Я улыбался в темноте. Леночка не оставляла шансов – невозможно было возражать ей. Вернее, можно, но я не хотел... во всяком случае, сейчас. Она обнимала меня и прижималась ко мне.

– Не нужно, – шептала она. – Я хочу, чтобы ты был со мной.

Черт! Это было нечестно с ее стороны. Впрочем, Бог ей судья.

– Но я ведь не могу всю жизнь провести в постели, – улыбался я.

– И не нужно, – томно шипела... то есть шептала Леночка.

ка. – Я буду с тобой, нам будет хорошо вместе.

Она прижималась ко мне под одеялом и проделывала такое, что, наверно, даже камень не остался бы равнодушным. Я не был камнем, я был живой и не мог устоять, да и не хотел – скорее, наоборот.

Черная ночь, в которой движение скрыто во тьме.

– Ты ведь будешь со мной? – через некоторое время, когда все камни обратились в прах под ее чарами, спросила Леночка.

– Да, – безвольно ответил я, пребывая в умиротворенности и покое, твердость сейчас не была присуща мне.

– Откажись, скажи Сергею Степановичу, что ты передумал. Он ведь не может заставить тебя.

Я молчал, не в силах возражать.

– Ты откажешься?

– Я подумаю, – улыбнулся я.

– Это ведь твоя жизнь, – сказала Леночка.

– Да, это моя жизнь, – согласился я.

– Ты потеряешь ее, если пойдешь на это.

Я молчал, думая, что очень запросто она может оказаться права.

– Откажись, – испуганно и умоляюще произнесла Леночка.

ка. – Пожалуйста, я не хочу, чтобы ты умирал.

Тревога в ее голосе, темнота вокруг.

Смерть была рядом, я чувствовал, как она стоит надо мной и то, как я беззащитен и слаб. Только один шаг разде-

лял нас. Я почти видел ее в темноте. Какое-то странное чувство появилось во мне, уверенность, что все кончится плохо. Я не хотел бояться смерти, но она была слишком близка. Невозможно было не видеть это, и я сам шел к ней. Сам! Страх вдруг охватил меня, я знал, что умру. Скоро... скоро... Я отчетливо видел, как это будет, когда смерть коснется меня и накроет своим плащом. И тогда глухая черная пустота станет мной, словно огненная вспышка она взорвется во мне и холодной сверкающей сталью войдет в меня, но во все, абсолютно во все тело сразу.

Ночь вокруг. Женщина обнимала меня. Я лежал в темноте и боялся смерти.

– Ты откажешься? – спросила Леночка.

Я молчал, боясь пошевелиться, боясь произнести хоть слово.

– Откажешься? – Леночка подняла голову и смотрела на меня.

Я молчал.

– Ты ведь не станешь делать это? – настойчиво спрашивала она. – Да?

– Н-не знаю... наверно, – проговорил я и закрыл глаза.

* * *

Следующее утро было утром субботнего дня. Леночке не нужно было ехать на работу так рано, как обычно. Мы по-

лежали немного, не желая вылезать из-под теплого одеяла, а потом встали.

Тяжесть в душе. Я чувствовал, как тяжелая пустота заполняет меня. Вчерашние мысли о смерти поселили во мне страх, было неуютно жить с этим чувством. Холодная зажатость утра лишь усиливала его. Я был подавлен, напуган и смят. Ничего не хотелось, тошно и страшно было присутствовать в мире, быть кем-то. Я чувствовал, как уязвим, беспомощен, нелеп. Страх заполнял меня. Страх был утренним светом вокруг.

Леночка на кухне готовила завтрак, я стоял в комнате, глядя в окно. Серая улица передо мной. Я думал, что действительно, зачем мне все это? И вдруг поймал себя на том, что этот вопрос относится как к опытам Сергея Степановича, так и к серой улице за окном. Я смотрел на чахлые деревья, глыбы домов. Безликие прохожие спешили по своим делам. «Нужно решать, – думал я, – нужно делать какой-то выбор». Именно сейчас, пока еще есть время, я должен принять решение и выбрать между Сергеем Степановичем и этой серой улицей. Но нет. Я был не способен решиться на что-либо. Все казалось пустым, глупым, я не знал, что делать, находясь в зажатости утра, подавленный страхом.

Но когда Леночка крикнула, чтобы я шел завтракать, по дороге на кухню я вдруг понял, что не хочу умирать, не хочу больше играть в эти игры со смертью. Хватит, нужно остановить это. «Да, надо отказаться, – думал я, сидя за сто-

лом. – Или хотя бы отложить, чтобы собраться с мыслями, подготовиться по-настоящему». Я жевал яичницу, мрачно глядя перед собой, и хотел отказаться.

Потом мы поехали в больницу. Когда входили в кабинет, Сергей Степанович уже был там. Увидев нас вместе, он посмотрел как-то странно, но потом опустил глаза и не стал ничего говорить, даже забыл поздороваться.

– Добрый день, – сказал я ему.

– Здравствуйте, – нарочито равнодушно ответил он, – проходите.

– Здравствуйте, – бросила ему Леночка и прошмыгнула за черную занавеску. Потом вышла оттуда в халате.

– Что ж, – смирившись с очевидным фактом и, собственно, не имея причин для возражений, уже спокойным тоном сказал Сергей Степанович, – сегодня последний день перед операцией. Я надеюсь, вы готовы?

– Да... – протянул я, – вообще-то....

Я хотел сказать, что передумал, но Сергей Степанович перебил меня:

– Как вы знаете, я договорился на завтрашнее утро. Довольно рано, но зато будет больше времени. Операционная откроется в восемь, я думаю, надо приехать часов в семь, – он улыбнулся. – Завтра большой день.

Предвкушение исполнения своих надежд владело им, он не мог не радоваться этому. Я смотрел на его улыбку и чувствовал тяжесть в душе, представляя, как он воспримет

мое сообщение.

– Знаете, – проговорил я, пытаюсь быть серьезным в противовес его радости, – я не знаю... – получалось как-то глупо, я замолчал, не находя слов.

– А у меня дома скандал, – весело говорил Сергей Степанович, не слушая меня. – Жена в воскресенье хотела ехать в гости – там у тещи день рождения. Я ей сказал, что не смогу поехать, она такой скандал подняла!

Он стал измерять мне давление. Я молчал, слушая, как он рассказывает про свои семейные дела. Он все говорил, а я все ждал удобного момента, но такого все не было и не было. Потом я решил, что все, пора, хватит ждать неизвестно чего, и уже хотел сказать ему. Но тут дверь кабинета открылась, вошла полная пожилая женщина.

– Сергей Степанович? – вопросительно произнесла она, глядя на меня и на Сергея Степановича.

– Да-да, – сказал он, – проходите.

– Я к вам. Меня направили, – женщина протянула ему какую-то бумажку.

– Проходите, садитесь, – повторил он, забирая бумажку и показывая на стул перед столом. – Я сейчас.

Он отдал бумажку Леночке и подошел ко мне.

– У меня пациенты, – сказал он, как бы извиняясь, – надо работать. В общем, завтра в семь. Хорошо? Я, наверно, еще позвоню вам сегодня, или вы позвоните.

– Понимаете... – опять попытался начать я.

Но тут Леночка подала голос:

– Сергей Степанович, тут...

– Я сейчас, – прервал он ее, – одну минуту, – и потом ко мне: – Ну, до завтра. Вы не волнуйтесь, все будет хорошо. В общем, до завтра, – он пожал мне руку. – Нужно идти, извините.

Похоже, именно сейчас уже не получалось объясниться.

– Я позвоню, – чувствуя тяжесть от ложности положения, проговорил я и вышел за дверь.

По дороге домой все злился на себя, что так и не смог ничего сказать. «Ладно, – в конце концов решил я, – вечером позвоню ему и скажу».

Вечером пытался вспомнить, во сколько он приходит домой после работы, но, так и не вспомнив, решил звонить попозже, чтобы уж наверняка. Но позже у него было занято, я никак не мог дозвониться, злился, набирая номер уже, наверно, в двадцатый раз – неопределенность ситуации угнетала, я хотел разрешить ее.

Сегодня Леночка не должна была приехать ко мне – что-то ей там нужно было сделать дома у тети. Я был один, ночь приближалась, зажигая тьму за окном. Я сделал кофе и вдруг вспомнил, что у меня еще есть коньяк. Сергей Степанович просил не пить, но теперь-то уж было все равно. Я достал бутылку. Сидел, глядя в телевизор, и пил коньяк с кофе. Потом раздался телефонный звонок. Я взял трубку и услышал голос Сергея Степановича – он сам позвонил мне.

– Как у вас дела? – спросил он. – Все в порядке?

– Знаете, – сказал я ему, – вы только не обижайтесь и постарайтесь понять меня. Я тут думал обо всем этом... Наверно, мы поспешили.

– Сейчас уже поздно, – видимо, он решил пропустить мимо ушей мои слова, считая, что так будет лучше, – завтра рано вставать. Ложитесь, будет лучше, если вы хорошо выспитесь.

– Да, – ответил я, – действительно уже поздно. Знаете, что я сейчас делаю? – Он слушал. – Я пью коньяк с кофе, – сказал я и замолчал, ожидая его реакции.

Он тоже молчал, в трубке было слышно его дыхание. Потом он медленно произнес:

– Вы пьете коньяк?

– Да.

– Зря, – он был спокоен. – Я же просил вас...

Мы снова молчали, я ждал, что он повесит трубку.

– Почему? – сказал он вместо этого. – Что случилось?

– Ничего не случилось, – ответил я, – просто я передумал умирать.

Последовала небольшая пауза – похоже, он начинал понимать, что я не шучу.

– Никто не заставляет вас умирать, – затем сказал он.

– Да? – несколько резко отозвался я. – А вы?

– И я, – он говорил все так же спокойно, но теперь чуть грустно. – Вы не умрете, с чего вы взяли?

– Как с чего? А ваша операция? Первые опыты всегда неудачные. Я как раз первый.

Он снова молчал.

– Вы боитесь? – потом проговорил он. Я не ответил. – Это ничего, – он говорил тихо и спокойно, даже слишком спокойно. – Наверно, вы выпили еще не очень много. Я думаю, это не страшно, но, пожалуйста, больше не надо. Лучше ложитесь и выспитесь хорошенько.

– Сергей Степанович, – так же спокойно ответил я, – я не подопытный кролик для вас – вы не можете говорить мне, что делать. Если я захочу пить – я буду пить, а если захочу спать – я лягу спать. Но только потому, что сам захочу это, а не потому, что вы скажете мне.

– Да, – проговорил он, – понятно.

– Что понятно? – с вызовом спросил я.

– Вы не волнуйтесь, – сказал он. – Вы не подопытный кролик, и я не могу говорить вам, что делать. Но можно спросить вас?

– Что?

– Вам страшно? – он спросил это легко и естественно, наверно, так, как я сам бы спросил себя.

Я не знал, что ответить, но потом подумал, что зря кричу на него.

– Да, – тихо произнес я, вдруг почувствовав, что он понимает меня и не стыдно признаться ему в своем страхе, – мне страшно. И дело не в том, что я боюсь смерти. Просто...

Я не хочу... – и замолчал.

– Зря, – сказал он. – Здесь нечего бояться, даже боли не будет – вы ведь будете под наркозом и совершенно ничего не почувствуете, просто уснете и ничего не будете чувствовать.

Я молчал и слушал.

– Вы ведь хотели этого, – продолжал он. – Зачем же отступать, когда уже все готово и остается только последний шаг? Это даже недолго, тем более для вас. Вы уснете, а потом проснетесь – как одно мгновение. Все, что вам нужно сделать, – это только прийти и уснуть. Остальное сделаю я. Только прийти и уснуть. Может быть, в несколько непривычной обстановке – ну так что? Мы будем рядом: Леночка и я – мы не позволим, чтобы с вами что-то случилось.

– Да? – я слушал его, чувствуя, что превращаюсь в ребенка. Он гипнотизировал меня своей успокаивающей плавной речью. – А если я не проснусь?

– Этого не может быть. Когда вы проснетесь и почувствуете, каким стали, я думаю, вам будет смешно вспоминать свои страхи и, может быть, даже немного стыдно. Но это ничего. Ничего. Главное, вы сейчас не поддавайтесь им, – он замолчал на секунду. – А знаете что? – вдруг сказал он.

– Что?

– Давайте я завтра приеду к вам? Прямо утром. Возьму такси, приду, и мы поедем вместе. Хорошо?

Я чувствовал, что сейчас скажу «да», что я верю ему, до-

веряю и полагаюсь на него во всем. Странно, но мне казалось, что он прав, хотя всего несколько минут назад я думал совсем иначе. Я не понимал себя, не знал, что делать, что сказать. Я молчал.

– Хорошо? – переспросил он, когда пауза затянулась.

Я хотел сказать «да», но вдруг какой-то импульс внутри остановил меня. Я почувствовал, что сейчас соглашусь, и тогда все. И я не мог сказать «да» и не мог не сказать. Я терялся в сомнениях, не зная, как разрешить эту ситуацию. Сомнения разрастались и разрывали меня, я не мог преодолеть их и прийти к какому-нибудь решению. Молчание тянулось и с каждым мгновением становилось все невыносимее. Я чувствовал, что сейчас просто взорвусь, так и не выбрав ответ. И тогда я взял и повесил трубку, прихлопнув сомнения, как разжужжавшую муху. Я просто повесил трубку, не в силах решиться на что-либо. Сергей Степанович ждал моего ответа там, на другом конце провода, а я повесил трубку.

«Ну и правильно», – подумал я, глядя на замолчавший безжизненный телефон. Впрочем, он недолго оставался таким: не прошло и минуты, как раздался новый звонок. Я усмехнулся – было бы верхом глупости не догадаться, кто звонит мне. «Нет, – думал я, глядя на телефон. – Нет, инженер-хирург Сергей Степанович, ну тебя!» Я поднялся, подошел и выключил телефон из розетки. Звонок замолчал. «Вот так, – сказал я про себя, – так-то лучше». Потом

налил себе рюмку и выпил одним глотком. Взял сигарету. «Вот так, – повторял я, – вот так». Я закурил.

Выключенный телефон безмолвствовал, но я все равно с опаской поглядывал на него. «Еще, чего доброго, приедет сейчас, – подумал я про Сергея Степановича. – Ну и черт с ним!»

Я налил себе еще рюмку, выпил. Становилось немного легче. Я курил. В телевизоре начался какой-то фильм, я стал смотреть его. Смотрел и периодически наливал и опустошал рюмку. Время шло. Скоро я обнаружил, что фильм кончился, бутылка опустела и минула полночь. С первой проблемой я справился легко – просто переключил телевизор; вторую решил, взяв другую бутылку; а на третью вообще не стал обращать внимание. Опьянение висело надо мной вместе с табачным дымом, я сидел и увеличивал то и другое.

Как все кончилось, я не помню. В какой-то момент я вдруг увидел, что телевизор показывает муравейник с электронными точками-муравьями, бегающими туда-сюда, и шипит. Я подумал, что нужно выключить его, и представил, как буду делать это. А потом услышал звонок.

Сначала мне казалось, что это не ко мне и не здесь, а вообще где-то в другом измерении. Но звонок продолжал звонить. Тогда я подумал, что случился катаклизм и измерения перемешались. Я стал ждать вселенского взрыва и свою гибель. Но взрыва все не было, а звонок не умолкал. Тогда я решил разобраться, в чем же тут дело, и открыл глаза.

Было утро. Муравейник в телевизоре жил своей суетой. Оказывается, я так и не выключил его. А звонок был в мою дверь – кто-то пришел и хотел войти.

Я посмотрел на часы – полшестого. Господи! Кто там? Но уже догадывался кто. Казалось, совершенно невозможно пошевелить какой-нибудь частью тела, но я все же преодолел себя и поднялся, первым делом увидев, что в бутылке на столе не хватает три четверти содержимого. Я встал на ноги. Голова шла кругом, я был совершенно пьян и почти не мог стоять, не держась за что-то. Звонок звонил назойливо и нетерпеливо. «Иду, иду», – послал я мысленный импульс тому, за дверью, и пошел, опираясь о стены. Кое-как добравшись до двери, я открыл ее. Сергей Степанович стоял там. Я посмотрел на него, он посмотрел на меня.

– Доброе утро, – сказал он, глядя внимательно и чуть сердито.

Я хотел ответить, но почувствовал, что не в силах открыть рот, тогда я просто молча посторонился, впуская Сергея Степановича. Он вошел.

– Я уже решил, что вас нет. Хотел уходить, – проговорил он.

«Жалко, что не ушел», – подумал я, но ничего не сказал, только повернулся и, шатаясь, пошел на кухню, чувствуя за спиной тяжелый взгляд Сергея Степановича. На кухне я припал к чайнику, размачивая слипшийся рот и не определяющие сейчас себя внутренности. Сергей Степанович во-

шел следом.

– Та-ак, – мрачно протянул он, увидев шипящий телевизор, пепельницу, полную окурков, почти опустошенную бутылку и нас с чайником.

Я перестал пить и поставил чайник, чувствуя, что от воды головокружение усилилось, а внутри образовался бассейн. Я еле стоял на ногах. С трудом дотащился до дивана и скорее упал, а не сел. Телевизор все шипел, я не мог поднять руку и выключить его, хотя сидел совсем рядом.

– Вы что, всю ночь пили? – спросил Сергей Степанович.

– Угу, – ответил я.

– Так и не ложились?

– Угу, – ответил я.

– Это все вы выпили? – он показал глазами на бутылку на столе и вниз, где под столом стояла первая пустая бутылка.

– Угу, – ответил я.

– Я вам звонил, но вы не подходили, – он поискал глазами телефон и увидел, что тот выключен из розетки. – И телефон отключили, – констатировал он.

– Угу, – сказал я.

– Та-ак, – снова протянул Сергей Степанович и еще раз обвел глазами всю кухню, задержавшись на муравейнике в телевизоре.

– Присаживайтесь, – показал я ему на табуретку и услышал, как заплетается у меня язык.

Сергей Степанович сел, как был: в плаще и в ботинках.

– А чего вы не раздеваетесь? – спросил я. Слова получились какие-то корявые и смазанные.

– Я хотел ехать в больницу. Там внизу ждет машина.

– А-а, – я чувствовал, что силы оставляют меня, что сейчас я просто усну, так и не досмотрев, чем все кончится. Тогда я взял сигарету и закурил. Стало чуть легче. Сергей Степанович тоже закурил. Он молчал, глядя в окно и, похоже, размышляя о чем-то, хотя несложно было догадаться о чем. Я усмехнулся.

– Что вы смеетесь? – спросил он.

– Довольно несложно угадать ваши мысли, – все так же заплетаясь, проговорил я. – Вы пить будете? – Он покачал головой. – А то наливайте, не стесняйтесь.

– Нет, спасибо.

Телевизор шипел над ухом. Я хотел выключить его, но почему-то никак не мог сделать это.

– И о чем же я думаю? – спросил Сергей Степанович.

– Вы думаете, как посадить меня в машину и увезти в больницу, – пьяно улыбнувшись, сказал я. – Так?

Он пожал плечами и промолчал.

– А о чем я думаю, вам интересно?

– Да, – отсутствующим тоном сказал он, – конечно.

– А я ни о чем, – хохотнул я. – Хотя нет, я думаю, выпить мне или не стоит? Вы как считаете?

Он снова пожал плечами.

– Не знаю, – с напускным безразличием произнес он.

– М-м-м... Наверно, все-таки выпить, – я потянулся за бутылкой.

Хотелось быть пьяным и несерьезным в пику надутому Сергею Степановичу. Я чувствовал, что он вызывает во мне какое-то тягостное ощущение, словно я виноват в чем-то. Хотя, может, это было и правильно, но все равно. Я хотел спрятаться от него за пьянством. Собственно, это было просто продолжением того, что я начал делать еще вчера, с той лишь разницей, что теперь Сергей Степанович сидел здесь. Ладно, пусть себе сидит. В конце концов сам поймет все и уйдет рано или поздно – что ему здесь делать? Впрочем, мог бы и принять участие – мне не жалко.

– Так что, – спросил я, – вы будете?

– Нет, – все так же ответил он, – спасибо.

– Ну, как хотите.

Я налил себе рюмку и взял ее в руку.

– Ваше здоровье, – сказал я.

Он бросил на меня недовольный взгляд и снова уставился в окно. Я собрался с духом и выпил. Это было ужасно, казалось, что я тут же умру, распавшись на части, но потом все прошло. Я поставил пустую рюмку. Сигарета почти докурилась, я затянулся еще раз и потушил ее.

– Ну, – сказал я, – что у нас дальше?

Сергей Степанович молчал.

– Слушайте, – сказал я ему, – ну что же вы молчите?

Вы ведь пришли уговаривать меня.

– Я не знаю, что сказать, – произнес он.

– Вот как? Что же, мне самому себя уговаривать?

Сергей Степанович не ответил, лишь недовольно опустив взгляд.

– Нет, – ухмыльнулся я, – я знаю, кого мне уговаривать, – и потянулся за бутылкой, – вот ее.

При слове «ее» я вспомнил о женской половине человечества.

– А кстати, где сейчас Леночка? – с бутылкой в руках нахмурился я.

– Не знаю, – ответил Сергей Степанович. – Наверно, дома.

– Давайте ей позвоним? Может, хоть она составит мне компанию?

Сергей Степанович молчал. Мне захотелось подразнить его.

– Уж она не откажется, – проговорил я, наливая себе рюмку. – Она хорошая, можете мне поверить.

Он бросил на меня уничтожающий взгляд.

– Ладно, – улыбнулся я, – шучу. Мы даже не целовались, – и засмеялся.

Сергей Степанович был как камень.

– Нет, а серьезно, – сказал я, – у вас как с женщинами?

Он был зол, но изо всех сил старался сдержать свое раздражение.

– Я женат, – сквозь зубы проговорил он.

– Это понятно, – не унимался я, – я не про жену, а вообще. Знаете, у нас в институте был парень, который ко всем приставал с вопросом: «Сколько у тебя звездочек на фюзеляже?» У вас как с этим?

– Что? – переспросил он.

– Ну, я про звездочки, – пояснил я и потом задумчиво: – Или про фюзеляж, – и пьяно улыбнулся.

Сергей Степанович был хуже камня.

– Ладно, – примиряюще произнес я, – не злитесь. Может, лучше пойдем сейчас запишем себе по звездочке?

Я снова смеялся. Сергей Степанович молчал, изо всех сил стараясь не замечать меня.

– Ну, вы не будете, – я поднял рюмку, – тогда ваше здоровье, – и выпил. На этот раз все прошло гораздо легче. Я крикнул, поставил пустую рюмку и закурил.

– Хотя нет, – продолжал я разрабатывать удачно найденную тему, – кого мы сейчас найдем? – я посмотрел на часы. – Седьмой час утра. Все или еще, или уже спят. К тому же воскресенье. Только мы с вами... Подождите, я знаю, кто еще не спит сейчас!

Новоприбывший алкоголь бурлил в крови, меня тянуло на подвиги.

– Леночка! – почти выкрикнул я. – Как ни крути, а все сходится на ней.

Я хотел добавить что-то еще, но не стал, глядя на лопающегося от злости Сергея Степановича.

– Давайте позвоним ей? – предложил я.

Потом положил сигарету, встал и пошел к телефону. Включив телефон в розетку, я взял его в руки и снова сел на диван. Набрал номер. После нескольких длинных гудков на том конце взяли трубку.

– Здравствуйте, – сказал я, стараясь говорить как можно более трезво, – Лену позовите, пожалуйста.

Трезвость выходила плохо.

– Ее нет, – ответил женский голос.

– Она еще спит? – поинтересовался я.

– Нет, она ушла.

Я был удивлен таким ответом, но потом спросил:

– А вы не знаете куда?

– На работу, – ответили мне и повесили трубку.

Я отставил телефон в сторону.

– Знаете, – сказал я Сергею Степановичу, – а ее нет. Говорят, что она в больницу поехала.

– Да? – рассеянно отозвался он.

– Да, – задумчиво проговорил я. – Что же делать?

Как-то не хотелось так просто оставлять это, я чувствовал, что мне уже надоело сидеть наедине с напряженным Сергеем Степановичем. Сам он не хотел уходить, а прогнать его просто рука не поднималась – все же он был хороший тихий человек. Ладно, если гора не идет к Магомату, вернее, если гора не уходит от Магомата... В общем, я решил, что неплохо бы прогуляться, а заодно и забрать Леночку.

К тому же и спиртное кончалось, так что сидеть дома вообще уже не имело смысла.

– Все, – энергично произнес я, – хватит сидеть. Вы говорите, там машина внизу?

– Да, – ответил Сергей Степанович.

– Думаете, еще ждет?

– Конечно – это знакомый.

– Хорошо, – я ощущал прилив сил и жажду действий. –

Тогда поехали.

– Куда? – не понял Сергей Степанович.

– В больницу, – улыбнулся я. – Вы же этого хотели?

Он удивленно уставился на меня.

– Вы хотите ехать в больницу?

– Да, – сказал я. – Поедем, заберем Леночку, а там видно будет. Поехали?

Я поднялся.

– Ну что, – снова беря бутылку, сказал я, – может, все-таки выпьете? – Он отрицательно покачал головой. – Ну, как хотите.

Я перелил остатки содержимого из бутылки в рюмку – получилось как раз сколько надо, – потом выпил и пошел одеваться.

Мы вышли на улицу. У подъезда действительно была машина. Водитель сидел, читая какой-то журнал. Сергей Степанович подошел и открыл переднюю дверцу. Я открыл заднюю и хотел сесть, но вдруг вспомнил.

– Вот черт! Я ведь телевизор забыл выключить.

– Ну и ладно, – махнул рукой Сергей Степанович. – Что с ним будет?

– Как это ладно? – возмутился я. – Он еще со вчерашнего вечера работает. Пойду выключу.

Я сделал шаг, собираясь вернуться, но Сергей Степанович остановил меня.

– Подождите, – сказал он, – давайте лучше я схожу. Где ключи?

Я размышлял пару секунд, потом решил, что это действительно лучше – совершенно не хотелось опять тащиться наверх.

– Ну, хорошо, – сказал я, давая ключи. – Только не забудьте посмотреться в зеркало и присесть на дорожку, – уже вслед ему крикнул я.

Сергей Степанович ушел. Я стоял у машины, курил, глядя по сторонам. Сейчас я совершенно не помнил об операции, думая, что еду просто на увеселительную прогулку. Потом вернулся Сергей Степанович.

– Все, – сказал он, – выключил.

– Дверь закрыли?

– Да, все хорошо, – ответил он, – можно ехать.

Мы сели в машину и поехали. По дороге меня чуть укачивало, я курил. Когда проезжали мимо магазина, я попросил остановиться, вышел и купил бутылку и сигареты, потом мы поехали дальше. У больницы Сергей Степанович ска-

зал «спасибо» своему знакомому, попрощался с ним, и тот уехал. Войдя в больницу, мы прошли по коридорам и наконец оказались в кабинете Сергея Степановича. Там было пусто, Леночка еще не пришла, на машине мы добрались быстрее нее.

– Уф! – сказал я, опускаясь на кушетку. Сидеть было все же приятнее, чем ходить. Я достал сигарету и закурил.

– Вы много курите, – сказал Сергей Степанович.

– Правда? – отозвался я. – Ну и что?

– Это плохо, – он был серьезен. – Будет лучше, если вы станете курить меньше.

– Почему? – удивился я. – Вам-то какая разница? Или... А-а, – догадался я, – все еще печетесь о моем здоровье в своих личных целях?

– Да, – сурово произнес он, – мне небезразлично ваше здоровье. Послушайте, – он увидел, что я достаю бутылку, – может, вы больше не будете сегодня пить?

– А что такое? – недоумевал я. – Или вас беспокоит, что у меня алкоголь в крови? – я улыбнулся. – Я вам скажу по секрету: у меня нет алкоголя в крови, вообще нет, как это ни странно. А знаете почему? Просто у меня крови нет – сплошной алкоголь.

Я засмеялся и начал открывать бутылку.

– У вас тут стаканчиков случайно не найдется? – как бы между прочим спросил я.

– Перестаньте! – вдруг резко выкрикнул он. – Вы посмот-

рите, на что вы похожи! Вы же серьезный человек...

– Я серьезный?

– ...а строите из себя черт-ти что! – продолжал кричать Сергей Степанович. – Посмотрите, во что вы превратились, вы же полное ничтожество и...

– Да ладно вам, – прервал я его. – Давайте лучше выпьем. Что, стаканчиков нет?

Он просто рассвирепел.

– Да мне противно смотреть на вас! – кричал он. – Вы думаете, что хоть что-то представляете из себя? Да вы ничто! Только водку пить да сопли пьяные размазывать: какой я хороший и несчастный – вот все, что вы можете. А сам – просто ленивая и бездарная посредственность, серый неудачник.

– Но-но! – сказал я ему. – Полегче.

– Что?! – он сделал противное лицо, и мне показалось, что он сейчас бросится на меня с кулаками. – Может, вы хотите сказать, что это не так? Что по каким-то там высоким идейным соображениям вы сильно отличаетесь от обычного алкаша из подворотни своим невероятным внутренним миром? Только все это гроша ломаного не стоит, потому что кроме огромного самомнения и нежелания палец о палец ударить, чтобы, не дай Бог, не испачкаться, ничего из себя не представляет.

– Не вам судить о моем внутреннем мире, – уже серьезно проговорил я. Как я ни был пьян, но слова Сергея Степановича вызывали во мне ответную реакцию. Мне не хотелось

ругаться, но он нападал, и я не мог не обращать на это внимание. – Вы считаете, что вы такой уж идеальный и во всем добились успеха? Хотите сказать, что бестолковая беготня лучше или менее бессмысленна, чем сидение на месте?

– Это что вы называете бестолковой беготней? – он был весь напряжен, казалось, еще немного, и он сорвется и начнет крушить все вокруг или, наоборот, в бессилии опустится на стул и заплачет от безысходности. Мне вдруг стало жаль его.

– Да какая разница? – сказал я. – Суть в том, что ваша работа и мое безделье имеют один результат. Так я хоть живу спокойно.

– Вас послушать – так никто никогда не может сделать ничего полезного.

– Кому это нужно? Что-то полезное...

– Как кому? Знаете, сколько людей на свете?

Я усмехнулся.

– Понятно, – сказал я. – Вам нужна мировая слава, телевидение, пресса, молоденькие поклонницы и личный особняк в уединенном месте, где вы будете проводить свои таинственные опыты и нести тяжелое бремя славы.

– Слава – это чушь. Дело абсолютно не в этом, – он немного успокоился, видимо, перейдя пик раздражения и начиная задумываться над словами, и говорил уже не так громко. – Неужели вы не понимаете, о чем я?

Неужели вам никогда не хотелось сделать что-то,

что не было бы просто частью суеты?

– Это не имеет никакого значения, – алкоголь во мне мешал думать и подбирать слова, я имел трудности с построением фраз. – Кому какое дело... А потом, почему вы решили, что я никогда не пробовал сделать что-то? Откуда вам знать?

– Я? – он опустил глаза, похоже, осознав либо бессмысленность, либо беспочвенность своих нападок. – Не знаю, мне так показалось. Но все равно, дело, за которое мы взялись, стоит того, чтобы вложить в него любое количество сил и времени.

– И здоровья, – добавил я.

– Что?

– Я говорю: и здоровья тоже любое количество, вплоть до самого конца.

Он посмотрел на меня. Теперь он уже не был зол. В его взгляде было скорее понимание и сочувствие.

– Вам страшно? – спросил он. – Вы боитесь умереть?

Он сказал это как проявление жалости и сострадания ко мне, как будто я маленький и слабый, а он смотрит на меня свысока и жалеет. Мне не понравилось это.

– Нет, черт возьми! – сказал я. – Не спрашивайте меня об этом. По-моему, вы были свидетелем достаточно красноречивой сцены там, на мосту, чтобы не задавать мне таких вопросов.

– Да, – проговорил он. – Тогда почему?

– Что почему?

– Почему вы говорите мне «нет»?

Я опять хотел ответить что-то резкое, но передумал.

– Не знаю, – вместо этого спокойно сказал я. – Что-то внутри держит меня. Может, я и правда боюсь, но, пожалуй, не смерти. Хотя, возможно, и смерти, но скорее просто неизвестности – может быть так. Это ведь риск. Я пошел бы на любой риск, но если б знал, как и чем я рискую и что все зависит от меня. А здесь... Я ничего не знаю, и от меня ничего не зависит, – я улыбнулся. – Страх смерти – это тоже страх перед неизвестностью.

Он молчал. Потом сказал тихо и спокойно:

– Ну хорошо, если вы так боитесь, давайте прекратим это. Я больше не буду навязываться вам. Не хотите – не надо. Забудем все это.

– Серьезно? – я был удивлен, никак не ожидая услышать от него такие слова. – А как же вы?

– Ничего, – ответил он, – я подожду. Постараюсь найти кого-нибудь посмелее.

Я улыбнулся.

– Хм, – произнес я. – Интересно. Так что, я могу сейчас встать и уйти?

– Да.

– Вот так просто встать и уйти?

– Да.

– И никогда уже не приходите сюда, и не видите вас, и не

слышать об этой вашей операции?

– Да, – сказал он.

– И вы не будете звонить мне?

– Нет, – он был спокоен и тверд. – Если вам это не нужно, можете уходить.

Я не двигался.

– Та-ак, – протянул я.

Мне вдруг стало ясно, что я не могу уйти. Оставить все это? Забыть? Я вдруг понял, что больше никогда в жизни мне не встретится ничего подобного. И еще я знал, что жизнь долгая и я не раз пожалею, если уйду сейчас. Я буду чувствовать себя последним трусом и идиотом, если упущу этот шанс изменить что-то, раскрасить жизнь. И, черт с ним, можно и умереть ради этого. В конце концов все умирают – какая разница когда? Да, Сергей Степанович поймал меня. Как ни странно, поймал, убрав сети. Я чувствовал, что попался. Я не мог уйти. Хотя бы из чувства собственного достоинства – уйти значило бы признать себя трусом.

– Подождите, – улыбнувшись, произнес я, пытаюсь найти выход из создавшейся ситуации, – зачем же так категорично: либо «да», либо «нет»? Всегда ведь можно найти компромисс.

– Какой компромисс? – сказал он. – Либо вы согласны, и мы делаем операцию, либо – нет. Ничего другого тут быть не может.

– Ну почему же? – я чувствовал, что теперь я уговари-

ваю его. Было странно ощущать себя в новой роли, Сергей Степанович представлялся в ином свете. – Можно ведь подождать, отложить. В конце концов, я сегодня просто пьян – вы говорили, что в таком состоянии мне нельзя делать операцию.

– Это неважно, – ответил он, – можно и так. У вас достаточно крепкое здоровье. Я сделаю вам пару лишних уколов, и все будет в порядке.

– Ладно, – упрасивал я его, – все равно. Сегодня я не хочу. Давайте потом. Я соберусь с духом, решусь, тогда и делаем. Может быть, прямо на следующей неделе. Хорошо?

– Нет, – твердо сказал он. – Сегодня.

– Но почему?

– На это много причин, важных и не очень, больших и маленьких. Сейчас все готово к операции, в следующий раз придется начинать сначала. И потом, зачем тянуть? Я не вижу в этом смысла.

– Но хотя бы день-два, – почти умолял я его.

– Нет, – сказал он. – Знаете, мне надоело вас уговаривать, я чувствую, что если вы не решитесь сегодня, то не решитесь уже никогда. Тем более что вы уже здесь. В следующий раз я не уверен, что смогу затащить вас сюда. Так что думайте – сегодня или никогда.

– Значит, вы считаете меня трусом? – с улыбкой проговорил я.

– Вам решать, – спокойно ответил он.

– Ну, а если я откажусь сегодня, тогда в другой раз...

– Нет, – прервал он меня, – другого раза не будет. Если вы отказываетесь, то мы расстаемся и больше уже не вспоминаем об этом. Я говорю вам: сегодня или никогда – решайте.

Я улыбался, глядя на него, чувствуя себя пойманным и зажатым. Он просто пригвоздил меня. Ни двинуться, ни дернуться было невозможно. Я не стал долго раздумывать и ответил почти сразу:

– Ну хорошо, – сказал я, – тогда...

И тут вошла Леночка. Дверь открылась, и на пороге появилась Леночка, не дав мне закончить фразу. Она впорхнула в кабинет и первое, что увидела, был я, сидящий на кушетке с бутылкой в руках. Взгляд ее изменился, из буднично приветливого став деловито отчужденным. Она ничего не сказала мне, повернулась к Сергею Степановичу и поздоровалась с ним.

– Я не опоздала? – спросила Леночка.

– Нет, – ответил он, – как раз вовремя.

Я смотрел на нее, ожидая, что она повернется и я что-нибудь скажу ей, но она не глядела в мою сторону. При виде ее я вспомнил, что пьян, вспомнил, зачем приехал сюда, но теперь уже не чувствовал уверенности, что мне это действительно нужно, – беседа с Сергеем Степановичем изменила мое настроение. Я чувствовал, что начинаю трезветь.

– Ладно, – сказал Сергей Степанович, – я сейчас.

Он повернулся и вышел из кабинета. Мы остались одни

с Леночкой. Она сняла плащ и села за стол, положив руки перед собой. Она сидела боком ко мне и смотрела прямо, не замечая меня.

– Ты не смотришь на меня? – весело спросил я ее.

Она оставалась серьезной.

– Я думала, ты не приедешь, – не поворачивая головы, ответила она.

– Я и не приехал, – сказал я, – Сергей Степанович привез меня. Пришел утром ко мне домой, посадил в машину и привез сюда, – это была полуправда.

– Зачем ты приехал? Я же просила тебя.

– Ты просила? – не понял я.

– Да, – она все не смотрела на меня, – я просила тебя отказать.

Я не знал, что ответить. Это было странно, я просто растерялся.

– Ну-у, – протянул я, – Сергей Степанович привез меня... – снова повторил я, чувствуя себя довольно глупо.

– Мы же договорились, что ты не будешь делать операцию, – сказала она.

– Мы договорились? – искренне удивился я.

Она повернулась ко мне.

– Я считала, что ты согласен со мной.

Она смотрела на меня, как учительница на нашалившего школьника.

– Ты считала, – процитировал я ее. – А что заставило тебя

думать так?

– По-моему, мы не чужие люди, – то ли ответила, то ли спросила она.

– Ну и что? – чувствуя себя безумно пьяным, проговорил я.

– А то, что я не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

– Да? А меня ты спросила? Может, я, наоборот, хочу, чтобы со мной все время что-нибудь случалось, – я улыбнулся.

Она отвела взгляд, сохраняя серьезное выражение лица.

– А обо мне ты не думаешь? – отчужденно и несколько обидчиво высказала она.

«Вот так номер!» – подумал я и не стал ничего говорить. Молчание тянулось. Я вспомнил о бутылке и решил предложить Леночке выпить, чтобы как-то разрядить ситуацию. Но прежде чем успел сказать, она произнесла, как-то одновременно и умоляюще, и приказывая:

– Я прошу тебя, откажись, не делай операцию.

– Почему я должен отказываться? – непонимающе спросил я, чувствуя, как винные пары клубятся в голове. Леночка почему-то вызывала их брожение, служа катализатором для них.

– Я прошу тебя.

– Разве это причина? – удивился я.

– А разве мое мнение для тебя ничего не значит?

– Слушай, – я чувствовал, что сейчас или упаду, или меня стошнит, или я воспарю и зависну под потолком от такой

игры в нелогичные ответы, – я что-то не пойму, кто из нас пьян?

И уставился на нее стеклянными глазами, вдруг забыв, что хотел сказать. Но потом, словно пузырь поднялся со дна и лопнул на поверхности, выбрасывая мысли, – я вспомнил.

– Давай разбираться, – начал я. – Ты хочешь, чтобы я делал как хочешь ты – так?

Она смотрела перед собой, всем своим видом показывая, что не слышит ни слова.

– Но ты не хочешь делать так, как хочу я, – подозревая, что она все-таки слышит меня, продолжил я. – Так почему я должен делать так, как хочешь ты?

Я вдруг остановился, пытаюсь понять, что это я сейчас сказал. Смысл был, это я знал точно, только где-то он затерялся, спрятался под словами.

– Ну, в общем, – я пытался оправдаться, – если тебе все равно, что хочу я, почему я должен слушать тебя? То есть, если нет понимания с твоей стороны, почему ты ждешь, что оно будет с моей?

Вот! Я был горд последней фразой. Это было почти то, что нужно. Но Леночка не оценила мое красноречие. Она считала ниже своего достоинства слушать меня и не слушала. Она была такой же, как давеча Сергей Степанович, – сурова и тверда как камень. Я подумал, что почему-то сегодня мне попадаются одни каменные люди. Может, Медуза Горгона пролетела ночью над городом?

– Ладно, ну его, – решил я размягчить камень, пользуясь вином и пьяной улыбкой, – давай лучше выпьем, – и чуть приподнял бутылку, показывая ее Леночке.

– Не делай операцию, – натянуто произнесла Леночка из своих каменных глубин.

Я подумал, что два каменных человека сегодня уговаривают меня и даже требуют совершить две абсолютно противоположные вещи.

– Да хватит тебе, – с улыбкой примиряюще произнес я, – лучше найди какие-нибудь стаканчики, – и снова хотел открыть бутылку.

– Я прошу тебя, не соглашайся на операцию, – как будто она хотела загипнотизировать меня этой фразой.

– Хм, – недоумевающе произнес я, – только что ведь я говорил – нужно понимать других, чтобы они понимали тебя.

– А я говорю тебе, чтобы ты подумал и не соглашался ни на какую операцию, – настаивала она в уже совершенно приказном тоне.

Ее слова начинали надоедать мне. Это было уже не смешно. Судя по ее виду, она абсолютно ни в грош не ставила меня, похоже, почему-то решив, что может командовать мной.

– Слушай, ты все-таки следи за беседой. Так ведь нельзя разговаривать с джентльменом, – сказал я достаточно серьезно, но потом улыбнулся под конец.

– Да?! А меня можно бросать?! – выкрикнула она в каком-то яростном порыве. – Ты-то следишь за собой?

– Ну все, – протянул я, – крики начались.

– Ты обо мне совсем не думаешь, – так же резко продолжала она. – Ты что, считаешь, можно вот так просто наплевать на меня?

– Ну, хватит, – спокойно и твердо и на удивление трезво произнес я, – будешь кричать – пойду в коридор. Где там, кстати, Сергей Степанович?

– Не надо операцию делать, – вдруг неожиданно умоляющим тоном, почти мгновенно сменив резкость на чуть ли ни слезы, произнесла Леночка, – ну не надо. Зачем тебе это?

– Как это не надо? – я был возмущен и раздражен ее криками и этой резкой переменой, которая показалась мне каким-то хамелеонством, ложью. – Почему не надо? Я как раз собирался идти в операционную с Сергеем Степановичем, когда ты пришла. Он говорит, что там уже все готово.

Хотелось позлить ее и проверить, какое из двух ее состояний было настоящим. И еще больше всего хотелось возражать ей. Чувство противоречия зажглось во мне, я бы, наверно, лучше умер, чем согласился с ней хоть в чем-нибудь.

– Нет, – сказала Леночка все так же умоляюще, – не ходи.

– Почему же? Сейчас он придет, и мы пойдем, – звучало как-то глупо, но дело было не в этом. Самое главное заключалось в смысле сказанного. Я вдруг понял, что действительно готов пойти и что согласен и хочу этой операции. И потом, теперь уже я просто не мог отказаться – это означало бы признать правоту и правильность командной роли Леночки.

Такое положение могло завести меня очень далеко, в самое любимое болото.

– Я прошу тебя, пожалуйста, откажись, – с легкой дрожью в голосе, но более или менее твердо произнесла Леночка.

– Да нет же, – недоуменно проговорил я, – как ты не понимаешь? Я приехал сюда, чтобы сделать операцию – я ее и сделаю, вернее, Сергей Степанович сделает. Иначе стал бы я сюда приезжать?

Это была ложь. Но это было уже неважно.

– Значит, не будешь отказываться? – легкая, еле уловимая угроза в голосе.

– Нет, – самое искреннее желание быть понятым.

– Тогда я сделаю так, что операции все равно не будет.

– Как же это? – поинтересовался я.

– Неважно. Но никакой операции сегодня не будет.

– Что же ты сделаешь? Больницу взорвешь? – ухмыльнулся я.

– Зачем больницу? Это совсем не обязательно. Достаточно сломать одну маленькую штучку, и вся ваша операция прекратится.

– Какую еще штучку? – продолжал я насмеяться и вдруг понял: – Устройство? – мне сразу стало не до смеха. Зато Леночка загадочно улыбалась с видом человека, имеющего не камень, а, по меньшей мере, стратегический бомбардировщик за пазухой.

Я молчал. Она тоже молчала. Сквозь винные пары я ду-

мал, сможет ли она сделать это, и чувствовал – сможет. Еще и с удовольствием, с довольной улыбкой на устах. Нет, это было невозможно, это было совершено нельзя!

– Зачем тебе это? – проговорил я. Она не отвечала, продолжая победно улыбаться. – Сергей Степанович... Ты не думаешь о нем? Он же тебя просто убьет за такое.

– Ничего, – махнула рукой Леночка, – покричит, конечно, а потом успокоится. Как-нибудь разберемся.

– Зачем тебе делать это? – в смятении повторил я.

– А зачем тебе попадать под его нож? – вопросом на вопрос ответила Леночка. – Я это еще вчера придумала, – призналась она. – Пыталась тебе дозвониться, а тебя не было. Кстати, где ты был?

– Я телефон отключал, – тихо проговорил я.

– Интересно зачем? Хотя неважно. В общем, я подумала и решила сегодня приехать. Сначала я вообще не хотела приезжать, но потом поняла, что это не выход и нельзя все пускать на самотек – мало ли что. Лучше сразу все прекратить. Если устройство сломать, то и никакой операции не будет. Для чего ее делать-то, если устройства нет?

– Выходит, ты сегодня только за этим приехала?

– Да, а что?

– Потихоньку взять устройство, бросить на пол и раздавить?

– Ну, можно и так.

– Зачем же ты мне об этом сказала?

– Я и не хотела говорить, но ты такой пьяный, уперся...

– Да? – я не знал, что делать, что говорить, как заставить ее отказаться от этого. Страшно даже подумать, что будет с Сергеем Степановичем, если такое случится.

– Какой в этом смысл? – произнес я. – Ну, ты его сломаешь – да, сегодня операции не будет. И завтра не будет, и через неделю. Но потом... Если Сергей Степанович один раз сделал это устройство, то сделает его и еще раз, только тогда уже он не подпустит тебя к нему.

– Нет, – кровожадно улыбнулась она, – вряд ли. Я знаю, как он его делал. Вряд ли во второй раз ему удастся найти все нужные детали и воспользоваться помощью в тех местах и у тех людей, где он получил ее тогда. Это было очень трудно, да и дорого – он мне рассказывал. Нет, второго устройства не будет. А если и будет, то не раньше чем через несколько месяцев, а скорее всего и лет.

– Ты убьешь его этим.

– Ну и что? – сверкнув глазами, сказала она. – Зато он не сможет убить тебя.

– Зачем тебе это? – уже в который раз спросил я и вдруг понял, что всего несколько минут назад она сама задавала мне такой же вопрос. Пожалуй, это было смешно, но мне не хотелось смяться.

– Я хочу спасти тебе жизнь, – ответила она, – а ты еще упираешься. Лучше бы спасибо сказал.

– Спасибо? – я начинал злиться. – А ты меня спросила?

Все решают все за меня. Один хочет меня зарезать, другая – спасти, а я словно кукла бессловесная. Никто не спрашивает, чего хочу я, все вертят мной как вздумается. Слушай, – мне переставало нравиться ее присутствие в поле моего зрения, – ну Сергей Степанович ясно – он одержим своей идеей – это я еще могу понять, а вот тебе-то что от меня надо?

– Мне? – она была возмущена и хотела сказать, а может, выкрикнуть что-то, но потом передумала и не стала. – Ничего, – лишь оскорбленно выговорила она и снова отвернулась, уставившись в стену перед собой, всем своим видом показывая, что я просто ничто, не стоит даже замечать меня.

– Ай-яй, – ухмыльнулся я. – Какая перемена! А кто еще секунду назад чуть ли не на убийство был готов ради меня? Что, передумала?

Она молчала, делая вид, что меня вообще здесь нет.

– Интересно, почему ты решила, что все должно быть, как хочешь ты? – продолжал я, не обращая внимание на ее отчужденность. – Почему ты думаешь, что ты единственная, кто знает, как лучше?

– Я думала, ты хочешь быть со мной, – неожиданно проговорила она, но так и не меняя выражения лица, – что мы будем жить вместе и... – она замолчала.

– Жить вместе? – вдруг понял я. – Так вот в чем дело? Что, тетка совсем выгоняет?

– Нет, – огрызнулась она.

– Значит, ты из-за этого со мной? – проговорил я, не об-

ращая внимания на ее ответ. – Хм... Надо же! Святая Диана вышла на охоту, а я как раз пробежал мимо, – я усмехнулся. – И много стрел ты истратила, прежде чем одна из них все-таки попала в цель?

Она скривилась от злости.

– Вот как ты обо мне думаешь? – презрительно проговорила она. – Да сам ты...

– Да-да, – улыбаясь, дразнил я ее. – Охота – серьезное дело. Тут нужно знать много всего. А я-то, наивный, полагал, что у нас что-то воздушное, а оказалось тяжелое – как дом. Наверно, смотрела на меня и посмеивалась – нашелся-таки дурачок. А? – я подмигнул ей, но она не видела этого. Она молчала, испепеляя взглядом стену перед собой.

– Вот, значит, что тебе нужно, – продолжал я. – И плевать тебе на всех, и на меня в том числе. А уж какой-то там Сергей Степанович... – я ухмыльнулся. – Ну что, угадал?

Она резко повернулась ко мне. Я все ухмылялся. Ее взгляд был сама ненависть, глаза говорили о том, какое я ничтожество, презрение и злоба переполняли ее. Она молча смотрела, наверно, думая таким взглядом напугать или унижить меня. А мне было просто смешно. Алкоголь бродил во мне. Я взял и показал ей язык.

– Бе-е, – сказал я, засмеявшись.

– Ах ты!.. – в ярости выкрикнула Леночка, но так и не сказав, кто я, вскочила на ноги, опрокинув стул, и быстрым шагом направилась к вешалке у двери, видимо, намереваясь

взять плащ и уйти. Только она не смогла сделать это, потому что не успела она закончить свое шествие, как дверь у нее на пути открылась и вошел Сергей Степанович – она попала как раз ему в руки.

– Что случилось? – только и смог проговорить Сергей Степанович, увидев, какое на Леночке лицо, и пытаясь отскочить с ее дороги.

Но Леночка не ответила. Траектория ее движения была нарушена, она с налету повернула и, так и не взяв плащ, проскочила мимо Сергея Степановича прочь из кабинета в коридор.

– Что у вас тут произошло? – бросив взгляд вслед уходящей Леночки, спросил меня Сергей Степанович.

– Так, – безразлично произнес я, – ничего. Просто она еще один человек, который имеет виды на меня.

Сергей Степанович посмотрел укоризненно и бросился за Леночкой.

Я остался один. Стало тихо и скучно. Я закурил. «Может, все-таки выпить?» – подумал я. Но, поколебавшись секунду, решил, что не стоит. Я встал и поставил бутылку на столик рядом с кушеткой. Потом подошел к письменному столу, стряхнул пепел в пепельницу, которая была там, и сел на стул перед столом. Когда сигарета докурилась, никто так и не пришел. Я ждал. Их не было довольно долго. Потом дверь открылась, и появился Сергей Степанович. Один, без Леночки.

– А она где? – спросил я.

– Там, – неопределенно махнул рукой Сергей Степанович. – Что вы ей такое сказали? – спросил он. – У нее просто истерика.

Я ухмыльнулся.

– Ну и ладно. Знаете, что она хотела сделать?

– Что?

– Устройство ваше сломать. По-другому ее никак было не остановить.

– Сломать? – удивился он.

– Да, чтобы операции не было.

– Зачем ей это? – недоумевал Сергей Степанович.

– В том-то и дело, – проговорил я. – Она решила, что я у нее в кармане.

– Хм, – не переставал удивляться он.

– Да, – сказал я. – Вы проверьте, может, она уже чего-нибудь сделала. Вчера, например.

– Вряд ли, – проговорил Сергей Степанович, – оно у меня под замком. Я ключ от сейфа вчера с собой забирал.

– Это правильно.

Сергей Степанович подошел, поднял стул и сел за стол.

– Она и приехала сегодня только за тем, чтобы эту гадость сделать, – сказал я. – Вы представляете, что бы было?

– Да, – вздохнул он, покачав головой.

– А если бы я не был пьян, то не смог бы этому помешать.

– Хм.

– Я бы с ней совсем по-другому разговаривал. Она бы и не

сказала ничего, просто сделала бы потихоньку.

Он молчал.

– Да и вообще, наверно, я бы сюда не приехал, – я улыбнулся. – Получается, ваше счастье, что я вчера напился.

– Может быть, – с задумчивой улыбкой произнес он.

– Так что там с ней? – спросил я. – Где она?

– Леночка? В соседнем кабинете, – ответил Сергей Степанович.

– И что она там делает?

– Так, ничего.

– Ну, она успокоилась?

– Да, – ответил он, – все нормально.

– Интересно, что вы ей сказали?

– Честно? – он посмотрел на меня, я кивнул. – Я рассказал ей про то, как встретил вас на мосту.

Я ухмыльнулся.

– А она что?

– Ничего. Успокоилась. Правда, сначала не поверила, но потом сказала: «Ну и черт с ним». И успокоилась.

– Вот и хорошо, – проговорил я. А потом спросил: – Так как, операционная свободна?

– Да, – он поднял на меня удивленный взгляд.

– Тогда чего же мы здесь сидим?

– А вы что, все-таки решились? – Сергей Степанович сделал большие глаза.

– Да, – сказал я, улыбнувшись.

– Правда? – он был в замешательстве. – Вот как? Ну...

Что ж, тогда...

Было видно, что он немного растерялся.

– Подождите, – сказал он, – сейчас я вызову сюда Леночку.

– А это обязательно? – с сожалением проговорил я.

– Конечно, – ответил он, – она ведь медсестра. Подождите немного.

Он встал из-за стола и направился к двери. Я взял сигарету.

– Я сейчас, – обернувшись, сказал он. – Одну минуту.

– Хорошо-хорошо, – улыбнулся я.

– Ладно, – кивнул он и вышел.

Я снова остался один. Сидел и курил. Но на этот раз ждать пришлось действительно недолго. Не успел я докурить сигарету, как появился Сергей Степанович, Леночка вошла вслед за ним. Лица на ней не было – каменную маску на ней сложно было назвать лицом. Я не стал ничего говорить, лишь опустил голову, скрывая усмешку. Леночка сразу прошла за черную занавеску, не глядя на меня. Сергей Степанович сел за стол и закурил. Мы ждали, Леночка все не входила.

– Лена, – проговорил Сергей Степанович, – ты скоро?

– Я же вам сказала, – донеслось из-за занавески, – я не буду этого делать.

– Но... – Сергей Степанович замялся. – Ты хотя бы выйди оттуда.

– Зачем? – спросила она самым независимым тоном.

– М-м-м... – Сергей Степанович не знал, что ответить.

Я поднял на него удивленный взгляд.

– Что, – тихо произнес я, – бунт?

– Да, – так же тихо ответил Сергей Степанович. – После моих уговоров она сказала, что останется, не пойдет домой, но ни в какой операции участвовать не будет.

– Вот это да! – с искренним восхищением удивился я. – И что теперь делать?

– Не знаю, – развел он руками. – Вот, пытаюсь все-таки уговорить. Лена, – громко, чтобы она слышала, сказал он, – это ведь несерьезно, в конце концов. Ты что, так и будешь там все время сидеть?

– Если нужно что-то по работе сделать, я сделаю, – донеслось из-за занавески, – а с вашими личными делами разбейтесь сами, – стихами ответила Леночка.

– Ух ты! – все так же тихо восторгался я. – Бунт! Настоящий бунт!

– Не знаю, чего вы радуетесь, – покачал головой Сергей Степанович. – Что делать-то?

– Это я вас только что спрашивал, что делать, – сказал я.

– Теперь я вас спрашиваю.

– Интересно, почему меня?

– Ну, это же ваша девушка.

– Но она же ваша подчиненная.

– Ну и что? – сказал Сергей Степанович.

– А то, – сказал я, – что ситуация-то рабочая.

– Да, – не сдавался он, – но касается-то она вас.

Мы вопросительно смотрели друг на друга. Потом я повернул голову и бросил взгляд на занавеску.

– Так, – сказал я Сергею Степановичу, – пойдёте выйдёте.

– Надеюсь, не для драки? – осведомился он.

– Нет, – улыбнулся я и, показав на занавеску, тихо прошептал: – А то там все слышно, – и встал со стула.

– Угу, – понимающе кивнул Сергей Степанович, тоже вставая.

Мы вышли из кабинета и, закрыв дверь, остановились в коридоре.

– Так, – снова сказал я, стоя перед Сергеем Степановичем, – вопрос обычный и, можно сказать, банальный: как уговорить девушку?

Сергей Степанович грустно улыбнулся и отвел глаза.

– А ведь я как раз сегодня спрашивал вас об этом, – продолжал я, – как у вас с уговариванием девушек?

Сергей Степанович укоризненно посмотрел на меня.

– Ладно, – улыбнулся я, – шучу. Так что делать-то?

– Не знаю, – сказал он.

– А если ещё кого-нибудь позвать? Медсестер ведь много.

– Нет, – проговорил Сергей Степанович, – это не подходит.

– Почему?

– А вы думаете, так просто сделать подпольную операцию

в государственной больнице? Нет, с Леночкой я еще могу договориться, а вот с кем-то еще...

– А что? – непонимающе произнес я.

– Ну как? Все что угодно может случиться, если об этом узнают лишние люди, тем более кто-нибудь из начальства. Вплоть до уголовного дела, не говоря уже об увольнении. Нет, привлекать кого-то со стороны нельзя.

– Понятно, – кивнул я. – Почему же Леночка не идет сейчас к начальству, если она так не хочет операции?

– Не знаю, – проговорил Сергей Степанович. – Может, жалеет меня – все-таки вместе работаем, я вроде на нее не давяю. А может, думает, что уже влипла, раз помогала мне до сих пор, и поэтому боится. А может, и просто не догадывается о такой возможности.

– Вот и хорошо, что не догадывается. Сейчас, по-моему, она на все готова, на любую гадость.

– Да-а, – вздохнул Сергей Степанович.

– Н-да, – вздохнул я.

Мы молчали. Сергей Степанович обреченно смотрел куда-то за моей спиной, я тоже смотрел куда-то за его.

– А вообще интересно, – нарушил я молчание, – и часа не прошло, как я был совершенно против вашей операции, а теперь сам мучаюсь, не зная, как ее устроить.

Сергей Степанович грустно улыбнулся. Мы снова молчали.

– Может, ей денег дать? – предложил я.

– Каких денег? – обреченно проговорил Сергей Степанович.

Я пожал плечами.

– Так что же делать?

– Не знаю, – в грустной задумчивости произнес он, – не знаю...

– Тогда, может, все-таки отложить операцию?

– Нет, – покачал он головой, – я же вам говорил, все нужно делать сегодня. И потом, если мы не уговорим ее сейчас, то не уговорим уже никогда.

Я улыбнулся.

– Ну вот. А все скромничаете. Оказывается, вы все-таки разбираетесь в женщинах?

Он тоже улыбнулся, но печать безысходности не оставляла его. Мне было больно видеть его страдания.

– А может, вы еще раз попытаетесь поговорить с ней? – спросил я. – Вдруг она остыла и передумала.

– Нет. Я уже с ней по-всякому говорил. Она меня не станет слушать, – он запнулся, помолчал немного, а потом вдруг сказал, посмотрев на меня: – А может, вы попробуете? – с надеждой произнес он.

– Я? Нет, она вообще не будет со мной разговаривать. Вы же видели, я для нее просто не существую.

– Нет, – сказал Сергей Степанович, – это только внешне. Она же из-за вас упирается, значит вы ей не безразличны, значит имеете хоть какое-то влияние на нее.

– Ну и ну, – восхищенно произнес я, – интересные вещи вы говорите.

– Попробуйте, – продолжал он. – Что вам стоит? Не получится так не получится. Мне кажется, хуже уже не будет.

Он смотрел на меня умоляюще и с надеждой. Я чувствовал, что не могу отказать.

– Вы думаете? – с неохотой проговорил я.

– Да, – сказал он. – Другого все равно ничего не остается. Попробуйте, а?

Я подумал: «Какого черта?» Но выхода, пожалуй, не было, Сергей Степанович не оставлял шансов. Невозможно было не согласиться с ним, иначе он, наверно, умер бы с досады, прямо здесь в коридоре у меня на руках.

– Ладно, – сказал я. – Но только я не ручаюсь за результат. Вообще ни за что не ручаюсь. Может, сейчас она просто запустит в меня стулом или скальпелем пырнет. Вы на всякий случай будьте наготове.

– Хорошо, – с улыбкой произнес он.

Я повернулся к двери. Очень не хотелось входить в кабинет, я почти наверняка знал, что сейчас произойдет, какие слова будут говориться. Конечно, она не бросится на меня и не пырнет, но шансов у меня практически нет. Я стоял, собираясь с духом.

– Ну, давайте, – нетерпеливо произнес Сергей Степанович. – Удачи вам.

– Да, – проговорил я, – удача мне б сейчас не помешала.

– Ну, давайте, – повторил он, подгоняя меня. – Оставьте дверь приоткрытой, если хотите, чтобы я смог вовремя подойти в случае чего.

– Ну уж нет, – сказал я, потом вошел в кабинет и накрепко закрыл за собой дверь.

Внутри было тихо. Леночка все так же оставалась за занавеской. «Интересно, – подумал я, – что она там делает?» Впрочем, это было не так уж важно.

– Лена, – стараясь говорить мягче, произнес я, – ты еще здесь?

Ответа не было. Я подошел к занавеске.

– Я иду, – сказал я, считая, что нужно все-таки предупредить, прежде чем войти – мало ли в каком она там положении. – Ты слышишь?

Ответа все не было. Я подождал еще немного. Потом решил, что ладно, я ее видел в разных положениях. Отогнул занавеску и заглянул туда. Леночка сидела с книжкой в руках и мрачно смотрела на меня.

– Ты чего молчишь? – сказал я и осторожно вошел за занавеску. – Я тебе говорю, а ты молчишь, – чувствуя себя довольно глупо, произнес я.

– Ну что? – подала голос Леночка. – Чего ты хочешь?

– Я? Да так, – я совершенно не знал, что говорить. – Вот пришел. Ты здесь чего делаешь?

– Сижу, читаю – а что? – с самым независимым видом ответила она.

– Нет, – сказал я, чувствуя, что как будто оправдываюсь перед ней, – ничего, – и зачем-то добавил: – А Сергей Степанович там...

Я не смог закончить фразу. Хотел сказать «ждет», но подумал, что она спросит «чего ждет?» – на это я совершенно не мог бы ответить, а другого ничего в голову не приходило. Тогда я просто неопределенно махнул рукой.

– Н-да? – сквозь зубы произнесла Леночка.

– Ты что, обиделась? – попробовал начать я, вспомнив, зачем пришел.

Она сверкнула на меня глазами, но не ответила.

– Ладно тебе, я же не нарочно, – проговорил я, пытаюсь понять, что это я сделал не нарочно.

Ее взгляд стал чуть снисходительным.

– Хватит обижаться, – весело произнес я, – давай мириться. Я больше не буду.

Мой энтузиазм был ей абсолютно чужд, она оставалась совершенно холодной.

– Ну перестань. Нельзя же так долго сердиться, – я пытался быть мягким, чуть возмущенным и одновременно веселым. – Ты что, теперь никогда отсюда не выйдешь? – Леночка молчала и как будто не слышала меня. – Ну ладно, сиди, если хочешь. Только скажи, ты на меня обижаешься?

«Детский сад какой-то», – подумал я, но по-другому не получалось. Леночка молча смотрела в угол, всем своим видом показывая, что не замечает моего присутствия. Нужно

было что-то говорить, но я уже не знал что. И потом, она все равно не слушала. Тогда я двинулся вперед, подошел и сел перед ней на корточки, напротив ее взгляда.

– Ну перестань, – сказал я, глядя на нее снизу вверх. – Я же попросил у тебя прощения и сказал, что больше не буду – что мне еще сделать, чтобы ты меня простила?

Она абсолютно не реагировала на мои слова, продолжая смотреть куда-то в сторону.

– Лена, – стараясь быть веселым, с улыбкой проговорил я, – давай мириться, я все равно не отстану.

И с этими словами я положил руки ей на колени, пытаюсь хоть так привлечь ее внимание и заявить о своем присутствии. И, пожалуй, я добился этого, но эффект оказался несколько не тот, на который я рассчитывал. Она вдруг вся встрепенулась, возмущенно посмотрела на меня, затем вскочила и ушла из-за занавески, оставив меня в дурацком положении на корточках перед пустым стулом. Я вздохнул, покачал головой, сетуя на свою тяжелую горемычную долю, потом поднялся и последовал за Леночкой.

Выйдя из-за занавески, я увидел, что она стоит у стола. Я подошел к ней.

– Ну хорошо, – сказал я, – ты не хочешь со мной разговаривать, не хочешь даже смотреть на меня, но что же мне теперь делать?

– Ничего, – сказала Леночка.

– Как же быть?

– Никак, – сказала Леночка.

– Но когда-нибудь ты ведь простишь меня?

– Никогда, – самым твердым и самым решительным тоном сказала Леночка.

– Совсем?

– Совсем.

– Хм...

Она была абсолютно неприступна и холодна как лед. Совершенно бесполезно было говорить с ней. Я уже начал думать о достойном выходе из ситуации и завершении разговора, даже не представляя, что скажу Сергею Степановичу, но зато хорошо представляя его просто смертельное расстройство, как вдруг мой взгляд упал на бутылку, одиноко стоявшую на столике у кушетки. Ага... Может быть, еще не все потеряно.

– Вот, – улыбнулся я, – придумал. Давай выпьем и помиримся и больше не будем ссориться никогда.

Я обошел Леночку и направился к кушетке за бутылкой.

– Я не буду пить, – услышал я за спиной, но не обратил внимание на леночкины слова. Взял бутылку и вернулся к ней.

– У вас тут стаканчики есть? – спросил я, вспомнив, что уже спрашивал об этом не раз, но совершенно не помня, что мне отвечали.

– Я не буду пить, – повторила Леночка.

– Ладно тебе, – я почему-то был уверен, что теперь смогу

уговорить ее.

– Нет, – сказала она. – К тому же я на работе.

– Ничего, немножко можно. Я думаю, Сергей Степанович не станет возражать.

– Сергей Степанович? – ехидно переспросила она. – Так это он тебя подослал?

– Ну перестань, – я чувствовал, что повторяю эти слова уже далеко не в первый раз, – какой Сергей Степанович? Что ты придумала?

– Ага, – она чуть прищурилась. – Понятно.

– Ну что понятно? – я стоял с бутылкой в руках. – Перестань, – снова сказал я. – Давай лучше выпьем.

– Нет, – независимым тоном произнесла Леночка. – Я же сказала, что не буду.

– Ну Лена, – я приблизился к ней, – хватит уже.

Одной рукой я держал бутылку, а другой – обнял Леночку. Это получилось как-то естественно и само собой. И в первый момент Леночка даже не заметила этого. Но когда поняла, что происходит, вдруг дернулась и с силой оттолкнула меня. Это было действительно довольно сильно и неожиданно – я пошатнулся и вынужден был сделать шаг назад. Но сзади оказался стул, я споткнулся об него, взмахнул руками, задев при этом бутылкой об стол. Удар получился достаточно сильный, и бутылка со звоном разбилась. Но это было еще не все, потому что злая инерция тащила меня дальше. Стул не давал двигаться ногам, и тогда я просто упал через

него, со всего размаху грохнувшись на бутылочные осколки, при этом в полете довольно сильно ударился головой о край стола и, упав, потерял сознание.

* * *

Очнулся я на кушетке, без рубашки, по пояс голый и ощущающая жгучую боль в боку. Сергей Степанович сидел рядом на стуле и смотрел на меня. Я поморщился от боли и потянул руку к боку.

– Не трогайте, – сказал Сергей Степанович.

– Что там у меня? – чувствуя еще и боль в голове, спросил я.

– Вы порезались, когда упали, – сказал он. – Но не бойтесь, там ничего серьезного. Хотя Леночке я наговорил всякие ужасы про эти порезы, – он улыбался.

– Чего вы радуетесь? – я чувствовал себя далеко не лучшим образом.

– У вас все получилось, – сказал довольный Сергей Степанович. – Из того, что я наговорил ей, Леночка теперь уверена, что вам нужна срочная операция.

Он весь просто сиял, не переставая улыбаться.

– Так вы что думаете, я нарочно это устроил? – возмутился я.

– Ну-у, – протянул он, перестав улыбаться. – Ну, не знаю. В общем, неважно. Главное, теперь она не может отказаться,

и мы сделаем операцию.

– Вы просто маньяк какой-то со своей операцией. Человек чуть насмерть не расшибся, а вы радуетесь. – Голова сильно болела, я поморщился и приложил руку к затылку. – А с головой у меня чего?

– С головой вообще ничего, – успокаивающе произнес он. – Просто шишка, и все.

– Болит, – сказал я.

– Ничего, пройдет. Лежите спокойно.

Я лежал. Было тихо. Осколки от бутылки валялись у стола. Некоторые из них были в крови. Жидкость, которая содержалась в бутылке, растеклась по полу, я чувствовал запах алкоголя.

– А Леночка где? – спросил я.

– Сейчас придет. Лежите.

– Я уж думал, она опять за занавеской.

Он улыбнулся.

– Нет.

Мы молчали. Потом дверь открылась, и вошла Леночка. В руках у нее была железная коробочка. Леночка достала шприц из нее и, протерев мне ваткой руку чуть ниже плеча, воткнула иглу.

– Что это? – спросил я.

– Это? – Сергей Степанович улыбнулся. – Это хороший укол, сейчас вам станет хорошо.

– Да?

Леночка закончила свое дело и, положив шприц обратно в коробку, поставила ее на стол.

– Ну вот, – сказал Сергей Степанович, – сейчас привезем носилки и поедем.

– Я бы и сам дошел, – проговорил я и хотел подняться.

– Нет-нет, – торопливо произнес он, – лежите. Вам лучше не вставать.

Леночка опять ушла и через минуту вернулась, втолкнув в кабинет носилки на колесиках.

– Так, – сказал Сергей Степанович, – а теперь раздевайтесь.

– Совсем? – спросил я.

– Совсем.

Леночка отвернулась. Я усмехнулся на это, потом разделся, и Сергей Степанович дал мне простыню. Я лег на носилки и накрылся ею. Сергей Степанович взялся за ручку носилок у меня в ногах и повез меня вперед. Потолок кабинета проплыл передо мной, потом мы проехали дверь и покатали по коридору. Я чувствовал, что укол начинает действовать: становилось легко и беззаботно, боль в голове и в боку растворялась в этой легкости – в общем, как и обещал Сергей Степанович, начинало быть хорошо.

Когда мы въехали в какую-то дверь, «хорошо» стало уже довольно большим. Мир начинал напоминать давешний муравейник в телевизоре, и это было приятно. Мы проехали короткий коридорчик и оказались в довольно большом поме-

щении. Судя по характерной лампе на потолке, столу и другим предметам, это и была операционная. Сергей Степанович подвез меня к столу, и они с Леночкой переложили меня на него.

– Так, – сказал Сергей Степанович. – Теперь подождите немного, я сейчас.

Он ушел, и мы остались вдвоем с Леночкой. Она была сзади, вернее, вверху, раз уж я лежал, и что-то делала, гремя инструментами. Я не видел ее, но, впрочем, и не расстраивался из-за этого. Мне было хорошо – муравейник вокруг веселил меня. Я подумал, что, наверно, нужно сказать что-то Леночке, но не знал что и молчал. Потом мне показалась смешной эта ситуация – я лежал голый под простыней наедине с одетой и стоящей где-то за моей головой девушкой. Я улыбался, мне было хорошо.

Сергей Степанович все не приходил. Я вдруг почувствовал, что открываю глаза, как будто проваливался куда-то, а потом опять появился здесь. Это было, пожалуй, странно, но так, чуть-чуть. Время переставало определять себя, я уже не мог понять, когда ушел Сергей Степанович – пять часов или пять минут назад. Впрочем, это не имело значения – ничего не имело значения. Хотя я вдруг почувствовал, что мне холодно. Голый под тонкой простыней я начинал мерзнуть, ощущая дрожь в теле, и пытался унять ее. Это получалось плохо. Мне было холодно и хотелось, чтобы Сергей Степанович пришел быстрее. Я совсем забыл про боль в боку и в

голове – муравейник и холод совершенно уничтожили ее. Я лежал и ждал. Леночка сзади гремела железяками. Я иногда слышал ее, иногда – нет, но не задумывался, от чего так. Время от времени я открывал глаза и смотрел на муравейник вокруг, но почти никогда не помнил, как закрывал их. Было холодно, и холод чуть раздражал, мешая полностью предаться приятному муравейнику.

Потом пришел Сергей Степанович. Он был в халате и в шапочке. Я улыбнулся ему. Он серьезно посмотрел на меня и спросил Леночку, все ли у нее готово. Она ответила, что да. Он сказал «хорошо».

– Ну как вы? – чуть наклонившись надо мной, спросил он.

– Ничего, – легко проговорил я. – Только вот холодно.

– Холодно? – не поверил он. – Нет, это скорее у вас от нервов. Ладно, уже недолго. Сейчас начнем.

Потом он подошел к Леночке и что-то говорил ей. Потом я открыл глаза и снова увидел его рядом.

– А знаете, – улыбаясь, сказал я ему, – я все-таки прыгнул.

– Что? – не понял он.

– Ну, тогда на мосту, помните?

– Да.

– Я все-таки сделал этот прыжок, – продолжал улыбаться я, – я делаю его сейчас. Понимаете? – и попытался приподняться.

– Да, – тоже улыбнулся он, – понимаю. Лежите.

Мне было хорошо. Легко и свободно.

– Хорошо, – сказал я.

Сергей Степанович вопросительно посмотрел на меня. Он что-то делал на маленьком столике рядом со столом, на котором лежал я.

– Хорошо, – повторил я, – мне хорошо. Только вот холодно. Может, давайте начнем?

Я думал, что когда усну под наркозом, то перестану мерзнуть. Мне хотелось избавиться от холода.

– Сейчас, – мягко сказал Сергей Степанович, – уже скоро. Потерпите.

– Да, – откликнулся я, – быстрее бы.

Я не боялся, совсем не боялся, только хотел уснуть поскорее, чтобы не мерзнуть.

Потом опять открыл глаза. Сергея Степановича не было, но через секунду он подошел, держа руки поднятыми перед собой и с повязкой на лице.

– Ну, – сказал он мне, – вы готовы?

– Да, – улыбнулся я, – да.

– А у тебя как? – Сергей Степанович посмотрел на Леночку за моей головой. Наверно, она кивнула, судя по глазам Сергея Степановича.

– Наконец-то, – все улыбаясь, сказал я.

– Что? – переспросил Сергей Степанович.

– Наконец-то кончается этот день, – я чувствовал себя на шаг от будущего и видел свет впереди. – Это был долгий и тяжелый день. Наконец-то все кончается.

– Нет, – сказал Сергей Степанович. – Теперь-то как раз все и начинается.

Потом он кивнул Леночке, и я увидел, как она подошла откуда-то сверху. Ее лицо выражало сосредоточенное безразличие, но я все равно улыбнулся и ей тоже. Она как будто не замечала меня и только накрыла мою улыбку резиновой маской со шлангом.

– Ну, – сказал Сергей Степанович, – считайте до десяти. И я начал считать...

Часть 2. В больнице

Когда я открыл глаза, это не было чем-то; когда я открыл глаза, я не понимал, что смотрю; взгляд не принадлежал мне, и увиденное не определяло наблюдателя или способности видеть – меня просто не было вначале моего взгляда, когда я открыл глаза.

Тихо. Темно вокруг. Лишь где-то впереди тусклая лампочка за открытой дверью. Там коридор, и окно напротив двери, за которым ветви деревьев и ночь, ночь...

Взгляд не был подвижен. Предметы существовали в нем, он включал их в себя – все было гармонично и просто, но странно, неестественно пусто там, где должно быть что-то... или кто-то?

Я пытался дышать. Это получалось не всегда – легкие наткнулись на преграду, лишь конвульсивно сокращаясь и не вытягивая ни капли воздуха. Я думал, что задыхаюсь. Но тут раздавалось шипение, и воздух поступал, освежая легкие. Шипение не зависело от меня, наоборот – я зависел от шипения. Оно раздавалось во тьме, и тогда можно было сделать вдох – только тогда. Хотелось дышать чаще, но это было невозможно. Нужно было смириться и приспособиться – я знал, что иначе умру, задохнусь, если не сделаю это. Я смирялся. Я приспособливался, почти задыхаясь, но радуясь, что могу дышать хоть так. Тьма вокруг. Я лежал и слу-

шал, когда можно дышать. Ловил ритм шипения, находясь на краю жизни, слушал тьму. Шипение – вдох. Шипение – вдох. Ш-ш-ш. Ш-ш-ш.

Глаза были закрыты – на дыхание уходило слишком много сил, их уже не оставалось на то, чтобы смотреть. Но через дыхание я начал ощущать себя, понимать, что я – это кто-то, нечто, собранное воедино и присутствующее в каком-то месте. Мое тело отдавалось ощущениями, начиная принадлежать мне. Окружающее больше не было пустым в середине, теперь оно определяло нити, которые все сходились во мне. Не знаю, сколько прошло времени, но в какой-то момент я все же пришел в себя, осознав, кто я, и вспомнив, что со мной было.

Да, ночь хранила тьму, я лежал в ней. Шипение принадлежало дыхательному аппарату, который стоял где-то слева у изголовья моей постели, и трубка от него была вставлена мне в рот. Она имела довольно большие размеры, и приходилось держать рот неприятно широко открытым. Я чувствовал, что так продолжается уже давно – челюсти ныли. Да и все тело затекло от долгой неподвижности, лежа, вытянувшись на спине.

Я попытался пошевелиться, но почти ничего не вышло из этого. Мышцы не слушались – не то чтобы они не могли справиться с чем-то, а просто не реагировали на сигналы, которые я посылал им. Словно во сне, когда нет тела, вернее, чувствуешь его, но оно только ноет, абсолютно не под-

чиняясь. Это было странно и немного страшно. Но я все же пытался сделать что-то, хотя бы согнуть колени. На это уходило бешеное количество сил, к тому же надо было дышать. В общем, похоже, я отключился, не выдержав такого напряжения, потому что когда смотрел в следующий раз, то видел молодого доктора в белом халате и шапочке, который стоял рядом и спрашивал, смогу ли я дышать сам.

– Угу, – как мог более бодро промычал я с дыхательной трубкой во рту.

Тогда, увидев мою реакцию, он щелкнул чем-то на дыхательном аппарате, и шипение прекратилось – я смог дышать, когда и как захочу. Я был благодарен доктору и хотел попросить, чтобы он вынул еще и трубку у меня изо рта, но не мог сделать это с трубкой во рту. Доктор посмотрел на меня, потом кивнул и ушел. Я снова остался один в темноте без тела.

Было тихо. Я пытался ощущать себя, понимая, что операция уже позади и, значит, что-то произошло со мной. Но боли нигде не было, я лишь чувствовал, что голова перевязана и какая-то странно и тяжелая, и легкая одновременно. Казалось, ее размеры огромны, но плотность мала. Я чувствовал голову как огромный воздушный шар где-то над глазами.

Никого не было вокруг, лишь тишина, лишь ночь. Лежа на спине, я продолжал испытывать неудобство в затекшем теле, но повернуться на бок и занять какое-то более удобное положение представлялось совершенно невозможным. Я смирялся, лежа в темноте.

Теперь мое «я» полностью вернулось ко мне, я понимал и помнил все, хотя был еще слишком измотан и слаб, чтобы размышлять о чем-то, как-то оценивать происходящее. Лишь думал, что устройство уже, наверно, во мне и я жив, то есть перенес операцию и не умер – хотя бы это было хорошо. Но я не радовался, нет. Я был слишком занят поддержанием жизненных функций в себе, чтобы уделять внимание еще и эмоциям.

Я не знал, сколько сейчас времени, но очень хорошо понимал, что нужно продержаться до утра, когда придут люди и, наверно, помогут мне поддерживать эти мои жизненные функции. Хотелось видеть Сергея Степановича, даже Леночку, пусть бы они посмотрели, что я жив, и порадовались бы за меня. Но нужно было ждать утра. Я знал, как лучше всего дождаться утра ночью – просто уснуть, тогда всё будет быстро и легко. Но я понимал также, что проспал почти целый день и уснуть ночью после этого сложно. Я закрыл глаза и стал ждать.

Нет, сна не было. Я просто лежал с закрытыми глазами и затекшим телом. Глаза не слушались меня, веки хотели подняться. Я решил, что ладно, и отпустил их, стал смотреть вокруг. Все тонуло в полумраке. Я не мог повернуть голову из-за трубки во рту и видел только то, что было передо мной: дверь в коридор и окно там. Я стал смотреть в окно. Ветви деревьев, ночь. Ничего не было дальше, только ветви, а за ними – пустота, тьма, даже неба не было видно. Я смотрел

в пустоту сквозь ветви деревьев. Они чуть покачивались, отбрасывая легкие тени. Полумрак в помещении, где я лежал. Казалось, что справа и слева, там, куда я не мог посмотреть, не в силах повернуть голову из-за трубки, тоже пустота – тишина вокруг давала основание для этого предположения. Я лежал между пустотой и смотрел в пустоту впереди за ветвями деревьев.

Потом услышал шаги и открыл глаза. Видимо, я все же уснул, хотя и не помнил как. Это снова был тот же доктор в халате и шапочке.

– Ну как ты? – спросил он, чуть наклонившись надо мной.

Я моргнул и хотел сказать, что нормально, но вместо этого лишь промычал в ответ. Доктор протянул руку и вытащил трубку дыхательного аппарата у меня изо рта. Я почувствовал, как стало легко и свободно, и хотел сказать спасибо, но челюсти и язык не слушались – я не мог произнести ни слова. А он положил трубку на дыхательный аппарат, еще раз посмотрел на меня и ушел. Я снова был один, но теперь ощущал себя гораздо лучше, хотя тело продолжало ныть – мне казалось, что я уже никогда не смогу двигаться – так оно затекло.

Пустота справа оказалась ширмой, перегораживающей помещение, слева – кроватями, где лежали люди, видимо, такие же, как я. Поворачивание головы было непростым делом. Без дыхательной трубки во рту это стало удаваться, но воздушный шар над глазами не давал возможности правильно

совершать движение. Оно оказывалось либо слишком коротким, либо слишком длинным. Тогда я опять стал смотреть в окно, надеясь снова заснуть.

Ветви колыхались – наверно, за окном дул ветер, но здесь было тихо и неподвижно. Полумрак пригвоздил все предметы и все, что было, не давая двинуться. Но меня он не трогал, нет. Я был внутри, а он – вокруг, моя неподвижность имела совсем другие причины. Пустота за ветвями в окне проникала в глаза, я то видел, то не видел ее, не замечая, что все время засыпаю и просыпаюсь. Я наблюдал за пустотой, сделав это важным занятием и поставив это целью своего нынешнего существования. В том положении, в котором я находился, такое сочетание формы и смысла было достаточно гармоничным. Я наблюдал, сосредоточившись на пустоте. Глаза закрывались время от времени и открывались вновь, но это было неважно – пустота была и там и тут.

Свет разрушил пустоту. Когда я в очередной раз стал смотреть на нее, то обнаружил, что она ушла, свет сменил ее, сделав утро. Две медсестры стояли у двери и тихо разговаривали о чем-то. Видимо, их голоса, хотя и еле слышные, разбудили меня.

Все было не так – при свете, когда стал свет. Словно я проснулся не там, где засыпал. Серые стены, когда-то бывшие голубыми, но теперь поблекшие и потемневшие; высокий потолок с узором маленьких и больших трещинок; письменный стол рядом с дверью. Странно, ночью я не видел его.

И вообще, помещение оказалось совсем другим: размеры его были больше, чем я думал ночью, еще одно окно находилось рядом со мной, чуть дальше дыхательного аппарата, который так и стоял слева. Я бросил на него полный неприязни взгляд, хотя и понимал, что глупо сердиться на простую машину. Еще я обнаружил, что в мою правую руку воткнута игла с трубочкой, а рядом стоит капельница, куда идет трубочка. Ночью я не замечал этого.

Медсестры разговаривали совершенно спокойно, считая, что все спят. Так было еще минуту назад, но теперь я проснулся и стал смотреть на них. Не получалось разобрать слов, впрочем, я и не пытался. Другие больные спали на своих кроватях слева. Медсестры не подозревали, что их подслушивают, и были естественны и беззаботны. Это было как маленький театр, только актеры не знали, что они на сцене. Я смотрел на них, хотя лишь вынужденно подслушивая за неимением выбора.

Мое состояние было похоже на состояние плюшевого мишки, только набитого чем-то тяжелым – я был такой же мягкий снаружи и такой же неуклюжий и при этом совсем неживой, не способный ни двинуть лапой, ни произнести ни слова. Лежать было по-прежнему неудобно, тем более сейчас, когда стало светло и все могли видеть меня – как-то непривычно лежать в постели у всех на виду. Я думал, зачем я ждал утра? Все было так же, но ночью – тише и спокойнее. Я прислушивался к своему телу. Как ни странно, боли

не было, лишь голова оставалась воздушным шаром, но это не причиняло боль. Я лежал, глядя то на медсестер, то на стены и потолок. Дверь в коридор была закрыта, теперь я не мог видеть окно с ветвями деревьев и пустотой. Хотя, пустоты, наверно, уже не было.

Медсестры стали прощаться, и скоро одна из них вышла за дверь, а другая села за письменный стол. На столе лежали какие-то папки, медсестра взяла одну из них и стала что-то писать. Ее движения не производили звуков. Было тихо. В утреннем жестком свете тишина казалась сухой и какой-то пронзительно напряженной. Я лежал, не смея шевельнуться, нарушить тишину. Потом где-то включили кран, пустив воду. Течение отдавалось в трубах, проходивших здесь, и было хорошо слышно в тишине. Кто-то прошел в коридоре за дверью – шаги влились в общий фон, также став частью тишины. От нечего делать я стал наблюдать трещинки на потолке. Их разнообразие и смелое переплетение фантастических узоров невообразимо сложных линий привлекало взгляд. Но скоро это буйство нечеловеческой фантазии утомило меня, я опустил глаза, снова глядя на медсестру за столом.

Потом подумал, что совершенно не знаю, сколько сейчас времени. Но, судя по спящим больным и по моим ощущениям пронзительности песчаного света, было еще рано. Я думал, что не люблю просыпаться рано, впрочем, это не имело значения. Где-то снова включили невидимый кран. Вода

на этот раз лилась долго. Я лежал, глядя на медсестру и на все вокруг. Звуки и образы накладывались друг на друга, перемешивались и медленно вращались, как чай или кофе в чашке, когда мешают сахар. Ложечка тихонько позвякивала о стенки. Я думал, что пора перестать, потому что сахар уже давно растворился, но верчение все продолжалось. Я устал смотреть на это и закрыл глаза. Потом уснул.

Когда проснулся, уже никто не спал. Больные лежали с открытыми глазами и время от времени поворачивались в своих постелях. Медсестра выходила в коридор и возвращалась обратно, принося какие-то инструменты. Из коридора доносились разговоры, кто-то ходил там. Я лежал и смотрел на это неспешное течение больничной жизни. Потом пришел Сергей Степанович.

Войдя в дверь, он кивнул медсестре и сразу направился в мою сторону.

– Как вы? – озабоченно спросил он.

– Здравствуйте, – улыбнулся я, радуясь его приходу.

– М-м-м... здравствуйте, – рассеянно отозвался он. – Как вы себя чувствуете?

– Ничего, нормально.

Сергей Степанович внимательно смотрел на меня.

– Голова не болит?

– Нет, – беспечно произнес я, – все хорошо. Вот только...

– Что? – сразу насторожился он.

– Нет, ничего. Просто здесь скучно и неудобно все время

лежать.

– Неудобно?

– Да, все тело затекло, думаю, что уже никогда не смогу двигаться.

– Ну-ну, – улыбнулся он, – сможете.

– Вы обещаете?

– Конечно, – он улыбался. – Лежите – что вам еще делать? Спите, набирайтесь сил. Я вам даже завидую – мне бы сейчас тоже хотелось вот так полежать и поспать день-другой.

– Правда? И ради этого вы бы согласились, чтоб с вас тоже сняли скальп?

– Ну, – он смутился, не зная, что ответить.

– Ладно, – сказал я, – извините. Лучше расскажите, как прошла операция?

– Операция? Нормально, – он вздохнул. – Все получилось довольно неплохо.

– А устройство? Вы там все подключили?

– Конечно, – он оглянулся и потом произнес несколько тише: – Вы только не говорите ничего об этом – они тут не знают...

– Хорошо, – я хотел кивнуть, но голова осталась лежать на подушке, зато где-то внутри словно качнулось что-то тяжелое, ударив меня по внутренней стороне черепа. Я чуть поморщился.

– Что, болит? – увидев это, забеспокоился Сергей Степанович.

– Нет, это ваше устройство брыкается, – я улыбнулся. – Значит, все уже сделано и должно работать?

– Нет, – протянул Сергей Степанович. – То есть все, конечно, сделано, но нужно подождать, пока заживет, пока вы поправитесь.

– Понятно, – проговорил я. – А вообще, интересно разговаривать с человеком, который копался в твоих мозгах. Что вы там увидели?

– Ничего особенного, – пожал плечами Сергей Степанович, – обычный мозг.

– Обычный? – притворно удивился я. – Как это обычный? А я-то думал...

Он улыбался. Потом сказал серьезно:

– Вам сейчас действительно лучше побольше спать. Первое время после операции, конечно, немного тяжело, но потом все пройдет. Лежите, отдыхайте.

– Как там Леночка? Все еще злится на меня?

– Нет, даже наоборот – жалеет, что тогда толкнула вас.

Просила извиниться за нее.

– Что же она сама не пришла?

– Она придет вечером, мы вместе придем после работы.

– Хорошо, – сказал я, – приходите.

– Вы только не думайте, что она хочет извиниться из жалости, – глядя на меня, проговорил Сергей Степанович, – только потому, что вы сейчас лежите после операции. Она хорошая. Ну, рассердилась один раз – с кем не бывает?

– Я и не думаю. Честно говоря, мне все равно.

Он помолчал немного, потом спросил:

– Вам что-нибудь нужно?

– Не знаю, – я попытался пожать плечами, но лежа в постели и это не получилось. Вообще было странно разговаривать с кем-то, лежа под одеялом днем у всех на виду. – Не знаю, – повторил я. – Может быть, книжку какую-нибудь принесете? Здесь довольно скучно.

– Нет, – Сергей Степанович покачал головой. – Это лишнее напряжение, которое вам сейчас совсем не нужно. Уж потерпите пока, поскучайте немного.

– Да? Жалко, – вздохнул я.

Он посмотрел на часы.

– Ладно, я пойду, – проговорил он, – мне пора.

– Ладно, – я хотел кивнуть, но вовремя вспомнил, что этого не стоит делать.

– Вечером мы зайдем с Леночкой.

– Хорошо, – сказал я.

– Ну, я пойду, – еще раз проговорил он, потом виновато улыбнулся и ушел.

Я остался лежать. Усталость и слабость владели мной. Больничный день только начинался, я чувствовал, каким долгим он будет в постоянном лежании, бездействии, бессилии. Все было долго, все было тяжело. Я лежал, не думая ни о чем, лишь предавшись течению времени, лишь надеясь на его свойства, веря в его силу. Свойства времени со-

вершать движение, изменяя все вокруг, должны были изменить и мое состояние. Рано или поздно, рано или поздно... Я хотел, чтобы все было быстрее, но не мог ничего поделать с этим.

У каждого свое время, и оно разное в зависимости от того, где и как он сейчас. Я думал, что сейчас мое время – это медленная река с плавным, еле заметным течением. Медленные струи, почти неподвижная вода составляют ее, тихое журчание, слышное лишь в самых быстрых местах, но и там все спокойно, плавно, неторопливо.

Я лежал, глядя вокруг сквозь реку своего времени, течение несло меня. Тонкие зеленые травинки склонялись с берегов надо мной, я проплывал мимо спокойно и чинно. Они чуть кивали, колыхаясь под порывами слабого ветра, а потом оставались позади и все дальше и дальше, по мере того, как я удалялся от них.

Медсестра подошла к моей постели и стала менять капельницу. Я наблюдал за ее движениями. Она не была ни молодой, ни старой. Когда я глядел на нее, мне казалось, что все происходит не здесь или я не здесь – мы были отдельно с ней, хотя находились совсем рядом. Я думал, отчего так? Но потом понял. Просто моя река была слишком медленной и не определяла никаких отношений к тому, что я вижу, не в состоянии соприкоснуться с внешним слишком быстрым миром. Я был один внутри своего времени, весь мир был вокруг, где-то.

Потом медсестра ушла и через минуту вернулась с градусником в руках.

– Возьмите, – сказала она, протягивая мне градусник.

Я медленно поднял руку, взял его и сунул под мышку. Холодное стекло оказалось достаточно сильным вторжением внешнего мира. Я почувствовал, какой я маленький и слабый, если даже такая мелочь, как градусник, может так остро впиваться в мои ощущения. Мне стало одиноко, немного страшно, немного грустно – все было немного. Я немного подумал о Сергее Степановиче и Леночке: как жаль, что их нет рядом. Мне было одиноко. Но скоро градусник нагрелся и стал частью меня. Я впитал его в себя и заставил двигаться так же медленно. Я взял его с собой в путешествие по водам реки своего времени. И когда медсестра снова подошла, чтобы забрать градусник, мне было даже жаль расставаться с ним, я стал еще более одинок. Медсестра ничего не сказала, посмотрев на градусник, только записала что-то в своей тетради и пошла, стряхивая градусник на ходу, стряхивая с него частицу моего тепла.

Казалось странным, что медсестра не говорит со мной и не спрашивает ничего. Она как будто знала о моем отдельном времени и не пыталась попасть в него, понимая, что это невозможно. Хотя я думал, что все же это неправильно. Операция была достаточно важным событием для меня, и, казалось, все должны проявлять хоть какой-то интерес к этому. Но все было не так. Я не знал, что я лишь травинка на берегу

ее реки времени.

Неторопливость снова взяла меня в свои руки. Я лежал, терпеливо ожидая нового поворота времени. Но это должно было случиться нескоро. Насколько я мог видеть, впереди река была такой же ровной и гладкой и медленной, медленной.

Те, кто был здесь, не вносили никакого разнообразия в тягучее течение больничного дня. Минуты и часы почти ничем не отличались друг от друга. Все было под стать тому, что происходило здесь: люди сращивали свои ткани, производили изменения в своих организмах – это было долго, незаметно.

Я подумал об устройстве Сергея Степановича в своей голове, оно тоже сейчас срасталось со мной. Маленький кусочек металла или Бог его знает чего, он был во мне, где-то там, между лбом и затылком. Его маленькие контактики, похожие на усики и тоньше волоса, впивались в мой мозг и теперь тихо срастались с ним, становясь частью меня, но более того, становясь частью моих мыслей, моих ощущений, моего «я».

Забавно было сознавать это. Я подумал, не стал ли я теперь как машина с электронной схемой в голове? Но нет – я улыбался – конечно, нет. Все же устройство не настолько сложно, и, пожалуй, это оно зависит от меня, а не наоборот.

Я вспомнил, как Сергей Степанович показывал его. Осторожно держа передо мной и не давая мне в руки, боясь,

как бы я случайно не сломал что-то. А теперь оно было во мне. Я пытался почувствовать его – конечно, ничего не вышло из этого. Но оно было, я знал и представлял, как оно лежит там, в середине моего мозга. Мысли бегают вокруг, оно лежит, тихо озираясь, привыкая к неизвестной обстановке, стараясь освоиться, стать своим здесь. Я улыбался, глядя вокруг и думая, что таким образом показываю устройству окружающий мир, знакомлю его с различными предметами – теперь оно тоже могло видеть, пользуясь моими глазами, моими ощущениями. Теперь оно могло много всего, получив доступ... нет! став частью того, что может чувствовать, понимать, помнить. Да, нечто, ставшее кем-то. Я смотрел на серые стены, потолок в узорах трещинок, на письменный стол и медсестру, сидящую за ним. Больные на кроватях не теряли времени даром, они совершали сращивание своих тканей, сосредоточенно и целенаправленно производили изменения в своих организмах, слушая, как затягивается их кожа в послеоперационных шрамах. Устройство не мешало мне, я давал ему возможность смотреть и слушать.

В небесной чайной снова начиналось чаепитие – кто-то опять мешал сахар. Кто-то собирал все звуки в слабое одновременно глухое и звонкое позвякивание ложечки о стенки чашки. Чай дымился, чайники вертелись внутри, поднятые всеохватывающим водоворотом, сахар исчезал, словно уходя, перемещаясь в другое, скрытое чайное измерение. Рас-

творение. Верчение. Я смотрел вокруг глазами устройства во мне. Потом уснул.

Вечером пришли Сергей Степанович и Леночка. Я проснулся примерно за час до их прихода, хотя сложно было определить это – и то, что за час, и то, что проснулся. Лежать с открытыми глазами – было все равно что спать. И время здесь шло ничем, не меняя ничего, разве, может быть, характер солнечного света, льющегося из окна за дыхательным аппаратом, который все еще стоял рядом со мной, напоминая, как прекрасен воздух, когда он в виде атмосферы, а не в виде шипящего железного ящика с трубкой. Хотя солнечный свет почти не менял свою яркость, но становился чуть мягче, может быть, более влажным или приятно весомым с приближением вечера. Это не было как солнечные часы, где время бежит тенью, это было как солнечные часы, где время движется изменением давления и свойств света. Судя по этим давления-световым часам, был уже вечер. Стрелки прошли большую часть пути и приближались к наиболее мягкой высшей точке, означающей ночь.

Сергей Степанович спрашивал меня о здоровье, я отвечал, поглядывая на Леночку. Она стояла чуть в стороне и молчала, не принимая участия в разговоре. Потом Сергей Степанович стал прощаться, говоря, что ему нужно идти домой. Затем посмотрел на нас с Леночкой и спешно удалился, оставив нас одних. Леночка подошла ближе.

– Как ты? – спросила она, словно не слышала, о чем мы

говорили с Сергеем Степановичем.

– Нормально.

– Я хотела прийти днем, но не смогла – работы было много.

– Понятно, – сочувственно произнес я.

Она прятала взгляд, глядя куда-то в сторону. У нее был смущенный вид, похоже, она не знала, что еще сказать.

– Как там погода? – решил я помочь ей.

– Ничего. Днем шел дождь, но теперь кончился.

– Дождь? – удивился я. Мне казалось странным, что где-то может идти дождь – мир для меня был больницей с трещинками на потолке. – Наверно, я спал и не слышал.

– Да?

Она молчала пару секунд, потом вдруг повернулась ко мне, словно решившись на что-то. Ее глаза были полны тревожной печали.

– Ты не сердись на меня? – спросила Леночка.

– Я? Почему? – почти искренне удивился я.

– Я не хотела, – быстро заговорила она, снова пряча взгляд, – это как-то само получилось. Я не хотела. Правда.

Я чуть улыбнулся.

– Садись, – сказал я, сделав приглашающий жест.

Она колебалась секунду, потом осторожно присела на край кровати.

– Как ты думаешь, долго я здесь пролежу? – спросил я.

Она не ответила, словно не услышав мои слова, потом че-

рез секунду сказала все с той же тревожной печалью:

– Я была очень плохой. Не знаю, что на меня нашло. Прости. Ты, наверно, обвиняешь меня во всем. Я не хотела. Прости.

– Бог с ним. Я уже и не помню ничего, – соврал я. Как-то не хотелось злиться на нее, и слушать извинения тоже не хотелось. Я чувствовал, что рад ее видеть, и больше ничего не чувствовал по отношению к ней.

– Все прошло, – сказал я, – туда ему и дорога. Давай считать, что просто ничего не было.

– Правда?

– Правда, – я снова улыбнулся.

– Значит, ты не обижаешься на меня?

– Нет.

– А я все думаю об этом, что это я... Что ты из-за меня...

– Да нет же, – поспешил я заверить ее – мне вдруг показалось, что она сейчас заплачет. – Я ведь сказал, что все забыто. Или ты не согласна? Тогда тебе придется выбирать: или мириться, или писать мемуары.

– Да? – улыбнулась Леночка.

В ее глазах была радость. Хотя легкая тень грусти еще присутствовала во взгляде, но она улыбалась, и такой она нравилась мне гораздо больше.

Потом Леночка взяла мою руку в свои ладони и спросила голосом, полным заботы и участия:

– У тебя ничего не болит?

Я улыбнулся, ощущая ее ладони, ее мягкую теплую кожу. Было приятно чувствовать это прикосновение и немного странно. Там, где я был сейчас... В общем, ее прикосновение было совершенно не отсюда, как нечто, пришедшее из другого мира – солнечный свет под землей, дождь в больнице... Ее касание захватывало мои ощущения, я словно переместился в свои пальцы, став там, между ее ладонями.

– Нет, – улыбаясь, ответил я.

– Ну что ты улыбаешься, – продолжала заботиться Леночка, она нахмурила брови и укоризненно смотрела на меня, – как будто тебя это не касается.

– Хорошо, – сказал я, пребывая в ее ладонях, – я буду думать об этом.

– О чем?

– О том, что меня это касается.

Она продолжала хмуриться.

– Мне иногда кажется, что ты нарочно хочешь, чтобы тебе было плохо.

– Нет, – сказал я, – не хочу.

– Тогда зачем ты сделал это, зачем согласился на операцию? Мог бы и не лежать здесь сейчас. Или ты не знал, что все кончится больничной койкой? Неужели нужно быть таким легкомысленным, что не дорожить даже собственной жизнью? Я уж не говорю о...

Она запнулась и отвернулась в сторону, возмущенно глядя в окно за дыхательным аппаратом.

– Ты снова об этом? – спросил я, стараясь произнести это как можно мягче.

Она опустила глаза, но не повернула головы.

– Нет, – проговорила она. – Я просто не понимаю. Почему? Зачем ты это сделал?

– Почему? – я почувствовал себя небом или океаном, собираясь ответить на этот вопрос, черной ночью, накрывшей и окутавшей все. – Потому что, кроме звезд, луны и солнца, есть огонь, который тоже дает свет. Он обжигает, но он ближе и доступней. Солнце и звезды – тоже огонь, но они далеко. А электричество – это только вольфрамовая нить – в ней нет волшебства.

Леночка посмотрела на меня. Она не хотела быть сердитой, но все же не могла сдержать укор и недовольство во взгляде. Я улыбался ей.

– Ничего, – сказал я, – это ведь ненадолго. Я ведь не всю жизнь теперь буду лежать. Пройдет немного времени, и я выйду отсюда. А кстати, сколько мне придется пролежать?

– Не знаю, – Леночка чуть пожала плечами. – Недели две-три, может, месяц – вряд ли больше.

– Всего-то? Это же просто ничто. Попробуй вспомнить, что такое месяц, который был, скажем, два или три года назад – тогда поймешь, что это совсем маленькое время.

– Но ведь это три года назад, – вздохнула Леночка, переставая быть укоризненной и недовольной.

– Да. Но время ведь не стоит на месте. Когда-нибудь и этот

месяц будет три года назад.

Она покачала головой.

– Ладно, – проговорила Леночка, видимо, не желая возражать больному с прооперированной головой, – ты, главное, выздоравливай сейчас, а не через три года, – и посмотрела на часы. – Я пойду, – сказала она, – а то будет совсем поздно и темно.

– Да, – ответил я, – конечно.

– Завтра зайду к тебе. Хорошо?

– Хорошо.

– Ну пока, – она нагнулась и быстро поцеловала меня. Потом встала, отпустив мою руку, и ушла, процокав каблучками по больничному полу.

* * *

Примерно дней через пять Сергей Степанович в очередной раз пришел ко мне. Он приходил каждый день, иногда даже два раза на дню. В этот раз он зашел вечером после работы. Поспрашивал как обычно о моем здоровье, а потом сказал:

– Вам, наверно, уже надоело здесь лежать?

– Да, – несколько удивленный таким вопросом, ответил я.

Глядя на Сергея Степановича, я видел, что он чем-то озабочен.

– Что-то случилось? – спросил я.

– Нет. Хотя... – он бросил на меня быстрый взгляд. – В общем, обстоятельства складываются так, что мне бы не хотелось больше оставлять вас в больнице.

– Хм.

– Но вы не подумайте, – поспешил он успокоить меня, – это не связано с вашим здоровьем. Просто... некоторые проблемы административного характера.

– Вот как? Что ж, может, это и к лучшему. Признаться, мне уже порядком надоело лежать здесь, я просто изнываю от скуки и...

– Но дело в том, – не слушая меня, продолжил Сергей Степанович, – что вам еще рано домой. Вам еще нужен уход, лечение.

– Да? – я не понимал, куда он клонит.

– Вас еще нельзя выписывать из больницы.

– Тогда что же делать? Спрятаться в шкаф на время проверки или там еще чего, чтобы меня никто не увидел? – я улыбнулся.

Но Сергей Степанович оставался серьезным.

– Есть один выход, – сказал он, – в общем-то, довольно простой, но нужно ваше согласие.

– Какой выход?

– М-м-м... – он посмущался немного, потом сказал: – Понимаете, Леночка ведь медсестра...

– Так, – я слушал, но уже начинал догадываться, что он хочет предложить.

– Вот. Она согласилась помочь нам. В общем, она могла бы поухаживать пока за вами. Но для этого ей, естественно, нужно будет оставаться у вас.

– Поухаживать? – я покачал головой (теперь это стало получаться). – Согласилась? И долго вы ее упрасивали?

– Нет, недолго, – заверил меня Сергей Степанович. – Она почти сразу согласилась. Так вы не против, если она поживет у вас недельку-другую?

– Так-так, значит, все-таки получилось, – констатировал я.

– Что получилось? – не понял он.

– Но, видимо, это единственный выход? – я пропустил мимо ушей его вопрос, не желая копаться в грязном белье.

– Ну-у, – он пожал плечами.

– Понятно. Тогда при чем здесь мое согласие?

– Все-таки это ваш дом...

– Да, все-таки.

Сергей Степанович помолчал немного, потом спросил:

– Так вы не против?

– Что же делать? – вздохнул я. – Раз так... Пусть живет, – я усмехнулся, – недельку-другую.

Он посмотрел на меня.

– Вы боитесь, что она останется на, так сказать, большее время? По-моему, зря. Зачем так думать о человеке? Она не такая...

– Не знаю, не знаю, – проворчал я. Но потом вдруг поду-

мал, что я похож на этакого брюзгу, вечно всем недовольного и всего боящегося. И чего, собственно, тут бояться? Я вспомнил то, как Леночка бывала в моем доме. Пожалуй, эти воспоминания нельзя назвать неприятными. К тому же действительно сейчас после операции мне будет сложно жить одному. – Хотя, с другой стороны, – проговорил я, – если больше ничего не остается, – я улыбнулся. – Ладно, пусть живет. Почему бы и нет?

– Вот и хорошо, – радостно отозвался Сергей Степанович, а потом снова стал деловито озабоченным. – Кстати, вы помните, что ключи от вашего дома у меня?

– У вас?

– Когда мы уезжали в больницу, я ведь поднимался к вам...

– А, да, – вспомнил я. – Ну, тогда отдайте их ей.

– Хорошо, – он явно был доволен разрешением всех вопросов, – так я и сделаю.

– А со мной как?

– Завтра утром я приду за вами, – нахмурил брови Сергей Степанович, – отвезу вас домой, – и улыбнулся. – Вы не возражаете?

– Хм, – в притворной нерешительности произнес я. – Даже не знаю, что вам ответить.

– Вы только представьте, завтра уже будете дома, – сказал улыбающийся Сергей Степанович.

– По-моему, это лучшие слова, которые я от вас слышал, –

я тоже улыбнулся ему в ответ.

* * *

На следующий день он снова пришел ко мне, все так же довольно улыбаясь. Вчерашняя улыбка словно прилипла к нему и не оставляла ни вечером, ни ночью, сохранившись до сего момента.

– Ну что ж, собирайтесь, – сказал улыбающийся Сергей Степанович. Улыбка не мешала ему говорить, и слова не мешали улыбке – он полностью сжился с ней.

Я оделся и потом встал с постели. Голова кружилась, колени дрожали – стоять было непросто. Я чувствовал, что не смогу сделать ни шага, мне удавалось стоять, только держась за спинку кровати. Я первый раз встал на ноги после операции.

– Похоже, у вас со мной будут проблемы, – проговорил я. – Что-то мне не стоитя совсем.

– Ничего, – с улыбкой успокоил меня Сергей Степанович, – это всегда так после долгого лежания. Вы присядьте, сейчас все пройдет, а я пока схожу предупредить там, что забираю вас.

Я сел на кровать, Сергей Степанович ушел. Потом вернулся минут через пять.

– Ну, пойдете, – сказал он.

Во второй раз вставать действительно было легче, но все

равно приходилось идти медленно, Сергей Степанович все время поддерживал меня под руку, когда мы шли по коридорам. У выхода из больницы стояла машина, та же, на которой я приехал сюда. Сергей Степанович открыл мне дверцу, и я несколько неловко залез на заднее сиденье.

– Здравствуйте, – сказал я водителю, решив, что, видимо, нужно поздороваться с человеком, который подвозит меня уже во второй раз.

– Здорово, – отозвался водитель, повернулся ко мне и протянул руку.

Я пожал ее и, подумав, что нужно быть вежливым до конца, представился ему.

– Миша, – представился он в ответ. – Но, вообще-то, мы уже знакомились.

– Правда? – удивился я, совершенно не помня этого.

Сергей Степанович уже сидел на переднем сиденье. Миша посмотрел на мою забинтованную голову и, обращаясь к Сергею Степановичу, произнес:

– Это ты его так?

– Ну, – пожал плечами Сергей Степанович, – да.

– Надо же, чего с человеком сделал, – улыбнулся Миша и подмигнул мне. – Ему только дай. Ладно, поехали.

Миша завел мотор, и мы поехали. Над немного опущенным стеклом подул ветер. Я подставил ему лицо и, прищурившись, стал смотреть по сторонам, наблюдая улицу и город вокруг, от вида которых я уже отвык.

– Хорошо, что ты мне позавчера звонил, – говорил Миша Сергею Степановичу, – вчера бы ты меня не застал. Там товар пришел, вчера весь день возили, потом вечером отмечать стали, – он усмехнулся. – Я домой часов в пять добрался. Даже не помню, как ехал, только смотрю – я уже у подъезда. Автопилот сработал. Хорошо, менты не попались, а то у меня денег с собой ни копейки не было, могли бы и машину отобрать. Как бы я тогда домой добрался? – он еще раз усмехнулся. – Вчера Витек ящик «абсолюта» притащил, там у нас еще пять коробок пива баночного стояло. Ну, мы все выпили. Представляешь? – Сергей Степанович кивнул. – Нас человек семь было, ну, еще три девицы там. Их потом на руках в машину относили. Они сидят такие, уже лыка не вяжут, прикинь, а мы домой собираемся. Витек им говорит: «Пошли», – а они даже встать не могут, – он гоготнул. – Ну, мы их подняли и так Витьку в машину и загрузили. Там еще Ашот и Сашка с ними поехали. Одну девицу поперек на колени положили. Я сегодня им никак дозвониться не могу – спят, наверно. Надо будет к ним съездить, а то товар лежит, его ж продавать надо.

Я молчал, не особенно вслушиваясь в Мишины рассказы. Мне было, в общем, все равно, я только хотел быстрее добраться домой. Интересно, что там сделала Леночка? Сейчас мне нравилось, что она у меня дома и, наверное, ждет меня. Я радовался, что ушел из больницы и еду домой, где не пусто и, видимо, стало уютнее, когда дом получил Леночкину

заботу. Забота. Это было теплое и мягкое слово. Я улыбался про себя, предвкушая радость впереди. Я ехал домой, было приятно сознавать это.

Знакомые улицы проносились за окном, мы были уже близко. Я говорил Мише, как лучше проехать. Последний поворот, еще немного, и, наконец, мы остановились у моего подъезда.

– У тебя там телефон есть? – спросил меня Миша. – А то позвонить надо, а мой сломался, – он показал на мобильник, лежавший у лобового стекла, – второй день без связи сижу.

– Пойдем, конечно, – сказал я, – позвонишь.

Мы втроем вышли из машины, потом поднялись на мой этаж. Когда подошли к двери, я остановился, глядя на Сергея Степановича.

– Она там? – на всякий случай спросил я.

– Да, звоните.

Как-то странно было звонить в собственный дом. Я нажал кнопку звонка. За дверью послышались шаги, потом замок лязгнул, и дверь открылась. Леночка стояла на пороге, улыбаясь нам.

– Уже приехали? – сказала она. – А я вас только через час ждала.

Она была в фартуке, немного растрепанная и вообще выглядела очень по-домашнему. Я чувствовал, что как будто мы пришли к ней в гости.

– Заходите, – сказала Леночка, и мы зашли.

– Привет, – улыбнулся ей Миша.

– Привет, привет, – Леночка улыбалась, пропуская его. – Давно тебя не видно.

– Дела все, работа, – ответил Миша.

Я наблюдал за ними, потом почувствовал, что уже не могу стоять на ногах.

– Телефон там, – сказал я Мише, показав на кухню, а сам пошел в комнату, сел на диван.

Сергей Степанович последовал за мной.

– Ну, как вы? – он изучающе смотрел на меня.

– Ничего. Стоять только еще тяжело.

– Конечно, – сочувственно произнес он. – Вы посидите, а лучше прилягте пока. Я сейчас.

Он повернулся и пошел на кухню, откуда раздавались веселые голоса Леночки и Миши, который, похоже, забыл, что ему надо звонить. Потом Сергей Степанович что-то спросил у Леночки, она ответила.

Я сидел, чувствуя усталость и головокружение, и удивлялся странно знакомому ощущению присутствия в доме. Комната казалась не совсем такой, как я оставлял ее – все было знакомо, но размеры словно не те. Пожалуй, я отвык от собственного дома за эту неделю. Было приятно снова вернуться домой.

Миша на кухне все же вспомнил про телефон – я слышал, как он начал говорить там явно на деловую тему и с кем-то, кто отвечал неслышно для остальных. Сергей Степано-

вич зашел в комнату и сел рядом со мной.

– Сейчас Леночка приготовит все, накроет на стол, – сказал он.

Я кивнул.

Потом пришел Миша.

– Ну, я поехал, – обращаясь то ли ко мне, то ли к Сергею Степановичу, сообщил он, – работа ждет.

– Давай, – ответил Сергей Степанович и встал, чтобы проводить его. Я тоже встал.

– Да ладно, сиди, – добродушно сказал мне Миша, – мы уж сами разберемся.

Я улыбнулся.

– Спасибо, что довез, – проговорил я, протягивая ему руку.

– Не за что, – он пожал ее. Потом посмотрел на Сергея Степановича. – Ну, значит, как договорились, насчет обследования для тещи – я позвоню?

– Звони, – они тоже обменялись рукопожатиями.

– Леночка, – крикнул Миша в сторону кухни, – пока.

– Пока, – отозвалась Леночка, но так и не появилась.

– Ну, я пошел, – сказал Миша и пошел.

– Бывший мой сосед по квартире, – как бы оправдываясь, произнес Сергей Степанович, когда дверь за Мишей закрылась.

Потом Леночка закончила приготовления, и мы сели за стол на кухне. Сергей Степанович достал бутылку шам-

панского, наполнил бокалы Леночке и себе.

– А вам пока нельзя, – сказал он мне и поднял свой бокал. – Что ж, наверно, можно много говорить об этом, но, пожалуй, и так ясно, что сегодня непростой день. Хотя я просто рад, что мы вот так сидим здесь втроем и все живы и, можно сказать, здоровы, – он посмотрел на меня. – В общем, я хочу выпить за вас, – он улыбнулся, – за ваше здоровье.

– Это все ваших рук дело, – улыбнулся я в ответ.

Леночка все еще в фартуке сидела напротив меня и смотрела на нас, тоже улыбаясь. Словно это не та Леночка, что в то утро перед операцией. Сейчас она была само радушие и уют – даже и не представить себе хозяйки лучше. Скромница и умница – ну просто милашка. Что-то готовилось на плите, Леночка все время поглядывала туда. Сергей Степанович поглядывал на меня. А я пребывал в легкой эйфории от того, что наконец вернулся домой, радовался этому и больше не думал ни о чем.

Потом мы сидели в комнате с Сергеем Степановичем, Леночка что-то делала на кухне.

– Что же дальше? – спросил я Сергея Степановича.

– Дальше?

– Я про ваше устройство – что мне делать с ним?

– Пока ничего, – вздохнул он. – Я ведь говорил, сначала вам нужно поправиться, тогда уж мы им и займемся.

– И как это будет? То есть как оно работает, что именно мне нужно сделать, чтобы оно заработало?

Сергей Степанович улыбнулся.

– Сейчас не стоит говорить об этом. Мне бы не хотелось торопить события. Лучше подождать, чем испортить все из-за глупой спешки.

– Но хотя бы скажите. Мне ведь интересно.

– Именно поэтому я и не говорю. А то вам будет интересно, и вы начнете дергать устройство раньше времени.

– Дергать? – с шутливой серьезностью произнес я. – Значит, его нужно дергать? Так-так...

Сергей Степанович улыбался.

Потом пришла Леночка.

– Пойдемте чай пить, – сказала она. – Я пирог сделала – попробуйте.

Мы пошли на кухню, стали пить чай. Сергей Степанович все нахваливал Леночкин пирог. Потом, ближе к вечеру, Сергей Степанович ушел. Мы остались с Леночкой одни.

Ночью мне приснились джунгли и другие тропические местности. Там был ягуар, или леопард, или еще какая-то большая пятнистая кошка. Я смотрел на него, а потом стал им, но так, что все равно мог видеть себя со стороны. Не помню точно, что я делал – где-то бегал, ходил мягкой пружинящей походкой среди странных деревьев и трав. И птицы пели, и солнце светило. А один раз я пытался дотянуться до себя, который смотрел со стороны. Я вытягивал лапу и выпускал когти из мягких подушечек и рычал при этом. Но я не боялся, глядя на себя, зная, что тот я, который ягуар, не сможет

достать, хотя и находится совсем близко.

На следующий день было воскресенье, и Леночка не ходила на работу. Она все так же усердно занималась хозяйством, и к тому же ухаживала за мной со своими медицинскими штучками. Сергей Степанович звонил два раза, давал ей какие-то советы, указания, говорил со мной о моем здоровье. В общем, дома оказалось чуть ли не хуже, чем в больнице, потому что здесь все внимание было обращено на меня и вся медицина свалилась мне на голову (и не только на голову). Ладно. Я крепился, надеясь, что скоро это кончится как-нибудь само. И действительно. На следующий день Леночка ушла на работу, я был один, и никто не приставал ко мне целый день. Правда, Сергей Степанович все равно позвонил, но это был только один звонок.

Дни шли за днями. Кому интересно, что происходит день за днем, повторяясь изо дня в день? Кому интересно движение, в котором нет смысла, поскольку оно происходит по кругу? Кому интересно движение по заранее известной прямой, проходящее от рождения к смерти и больше никуда? Кому интересен путь внутри от начала к началу, вернее, снизу вверх, нагромождая гору ненужных сложностей, а потом обратно – сверху вниз, разбирая все эти сложности и возвращаясь к началу, только теперь называя это небесным светом? Мы все рождаемся, стоя на небесах – разве не так?

Ладно. Там, где есть мосты, не переведутся любители полетов, искатели небесных глубин. Я не причислял себя

к ним – теперь уже нет – и не думал, хорошо ли это.

В общем, хрустальная вода падает вниз, а ветер летит над листвой, облака плывут в небесах, и солнце над ними раздает себя всем.

* * *

Почти всю следующую неделю я провалялся в постели. Это не походило на болезнь, хотя я был слаб и даже просто вставать было тяжело. Но не то, что мой организм вдруг начал давать сбои, определяло мое состояние – скорее наоборот. Я получал новые качества, новые возможности и принимал как должное то, что это связано с временным недомоганием. В общем, мне не нужно было поправляться, возвращая себе прежнее состояние, – я как бы поднимался выше, и это была не болезнь. Я словно делал какую-то новую сложную вещь, которая должна вот-вот начать работать, и надо лишь немного времени, чтобы довести все до конца. Только этой вещью был я сам. Я терпеливо завершал начатое, кропотливо трудился, устанавливая последние детали, подключая и налаживая все, хотя лишь просто лежал, лишь ждал, когда достаточно поправлюсь.

Время совершало движение, время изменяло меня. Все, что было нужно, – это только не мешать ему. Я ждал, я не торопил его – пусть все будет, как должно быть. Теперь движение времени обретало смысл, теперь мне было чего ждать.

Сергей Степанович приезжал раза три за эту неделю. Он осматривал меня, впрочем, так, не слишком внимательно – его работа надо мной, пожалуй, закончилась, и теперь он уже не мог ничего сделать, лишь отдав меня в руки другому доктору, имя которому время.

Обычно Сергей Степанович приезжал по вечерам. На его медицинские дела со мной уходило не более пятнадцати минут, а потом Леночка выставляла очередной свой пирог, и мы сидели, пили чай, болтали обо всем. Я больше не спрашивал Сергея Степановича об устройстве – попробовал пару раз, но он отвечал в том же духе: что нужно подождать, сначала поправиться – и я перестал спрашивать.

Леночка жила у меня. Она перенесла ко мне свои вещи, и я стал обнаруживать тут и там в доме странные доселе предметы вроде кофточек, юбочек, губных помад и прочее. В общем, время шло, время меняло все вокруг.

И вот в один из дней, примерно через две недели после моего возвращения из больницы, я почувствовал себя достаточно поправившимся и решил впервые за это время выйти из дома. По правде сказать, если не считать переезда из больницы, я не был на улице уже почти месяц. Странно было понимать такое.

День был на редкость солнечным и приятным. Дождавшись, когда Леночка пришла с работы, я сообщил ей о своем намерении.

– Ты уверен? – с тревогой в голосе спросила она. – Может,

не надо торопиться, подождать еще немного?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.